

Ба 1588848р

ГЕРОИ
МОСКВИ

М. ЕФЕТОВ

НА ДЯ
ИЗ ОТРЯДА
„БУРЯ“

Московский бойцовский

945

0/61

1950

33

6

3368

Ба 158884

МАРК ЕФЕТОВ

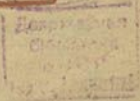
НА Д Я ИЗ ОТРЯДА „БУРЯ“

Рассказ о партизанской жизни
студентки Московского мединститута
Героя Советского Союза
Надежды Троян

*Московские большевики
1945*

Бел. 1945

ВООС Д II 44

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск.

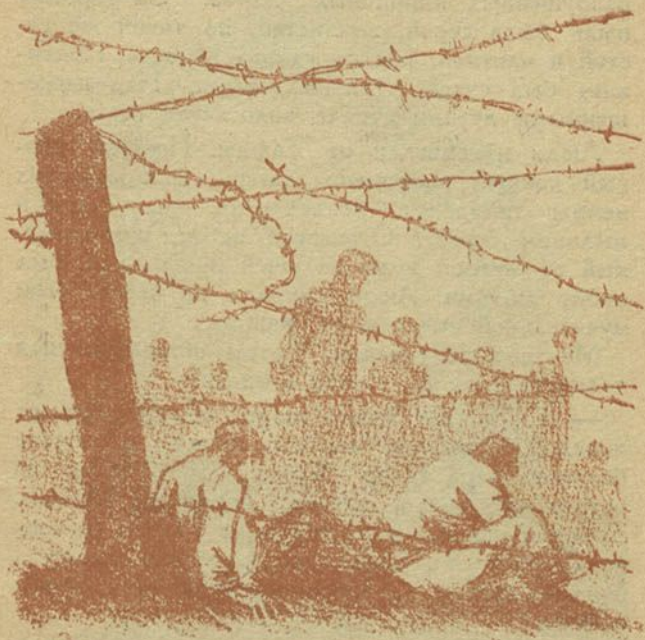
И. СТАЛИН.

«За кровь народа, попранную честь
Сестер и матерей, их слезы и мученья
Наш каждый выстрел прозвучит, как месть
Врагу — до полного его уничтоженья».

(Из журнала «Мститель»,
органа парткома белорусских
партизан.)

I. ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

В Белоруссии лето 1941 года выдалось жарким. Июль там называют макушкой лета. В этом месяце реки Белоруссии обмелели, берега отошли, пожелтели от высохшей грязи.

Немецкие танки пронеслись по улицам Минска, и угадать их можно было только по грохоту — так плотно окутывала машины пыль.

В городе пыль была розовато-коричневой от разрушенных кирпичных домов. За городом пыль была серой, землистой, но такой же густой и плотной, как на улицах Минска. Недвижим был сухой, тёрпкий воздух. Над нескошенными лугами стояла золотистая пыль.

Люди изнемогали от жажды. Поэтому первый концентрационный лагерь для русских немцы построили возле реки — на сухом и пыльном берегу. Огромный загон, отгороженный от мутной воды колючей проволокой, был набит людьми. Люди умирали на берегу реки мучительной смертью от жажды.

Мёртвых не уносили. Трупы оставались под палящим солнцем вместе с живыми.

— В Дроздах наших людей немцы убивают жадой, — сказала соседка, придя проведать больного отца Нади Троян. Это было на четвёртый день захвата немцами Минска. Город наполнился грохотом и лязгом немецких танков, а горожане, не успевшие покинуть Минск, сидели за закрытыми ставнями, боясь выйти.

Надя Троян вместе со своей подругой Зиной пошла в Дрозды. Девушки прикрыли платками головы и лица, чтобы уберечься от солнца.

Лагерь был недалеко от города.

Надя, защитив ладонью глаза от солнца, посмотрела на участок земли, огороженный проволокой. Пыль густым туманом стояла над лагерем. Мутно проступали контуры людей, сидящих и лежащих в самых разнообразных позах: раскинув руки, скорчившись, поджав под себя ноги.

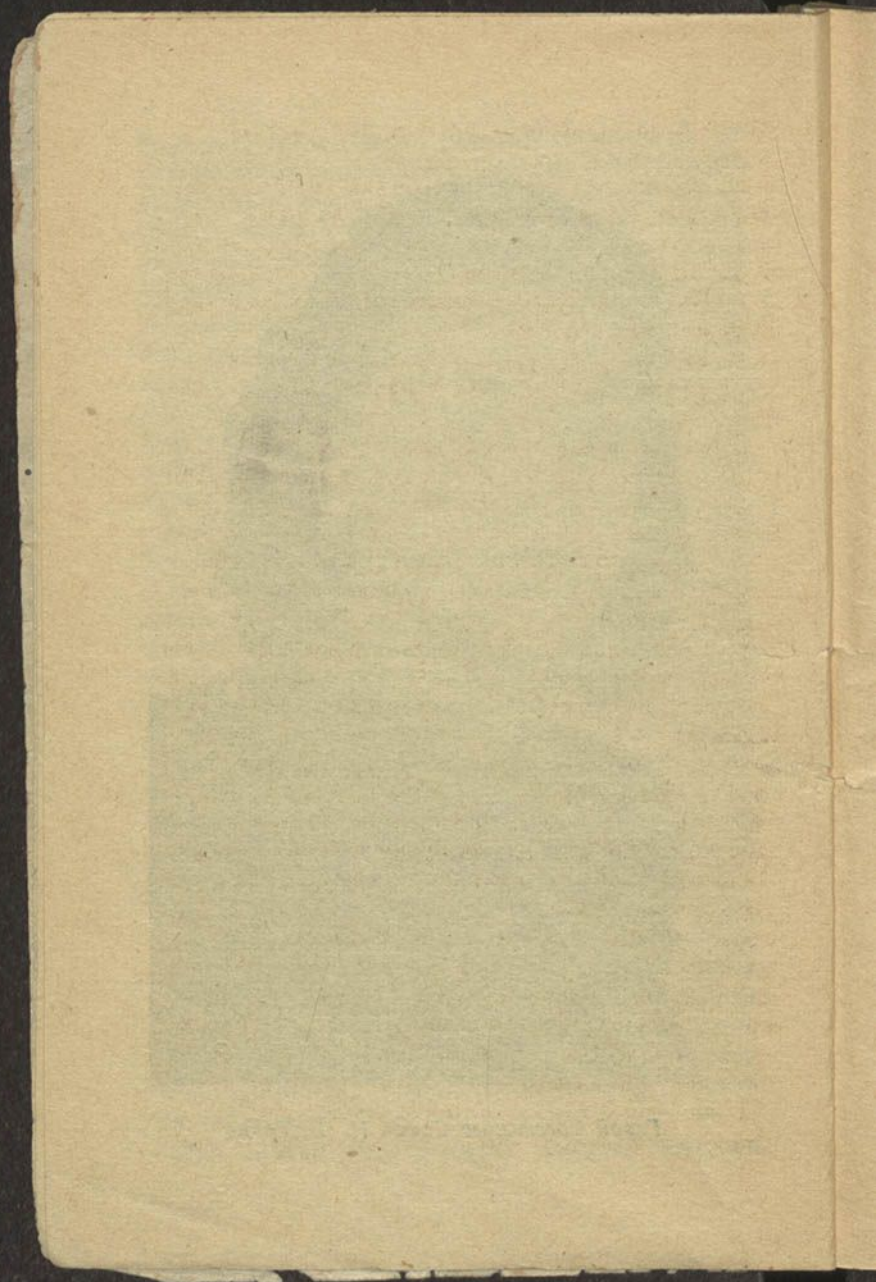
Две собаки сидели перед лагерем, высунув

Герой Советского Союза Н. В. Троян

языки и часто дыша. Видно, и они страдали от жары.

Надя опустила руку и концом косынки вытерла пот. Её высокий лоб обрамляли чуть волнистые русые волосы. Чётким рисунком выделялись брови и губы. Солнце сделало её смуглой, и от этого светлые глаза казались большими и строгими.

— Не боишься? — спросила она подругу.

— Останусь, — сказала Зина. — Как ты, так и я.

Девушки поднялись на крутой берег.

Прошло всего три дня немецкой оккупации, а уже тошнотворный трупный запах стоял над рекой. Месяц назад Надя с подругами каталась тут на лодке. На берегу, там, где теперь лежали штабеля трупов, танцевала молодёжь под патефон...

И вдруг война — жестокая, вероломная. Против танковой армии генерала Гудериана стояла одна только дивизия полковника Русиянова. Казалось, эта дивизия будет сметена, уничтожена. Но русские люди обвязывали себя гранатами и бросались под танки. Русские люди вскакивали на броню фашистских танков и заливали смотровую щель горючей жидкостью. Четыреста танков потерял генерал Гудериан, прежде чем вошёл в Минск. Теперь враг вымещал злобу на раненых и больных пленных красноармейцах. Вот они за колючей проволокой лежали и сидели перед Надей: без фуражек, в разорванных гимнастёрках, чёрные от пыли и палящих лучей солнца. Сухая кровь коробила их одежду.

Трое суток лежали тысячи людей под солнцем, не получая ни пищи, ни воды. О еде ни-

кто уже и не думал. Мучительно хотелось пить. Люди вспоминали дождь каждый по-своему, каким запомнили его: крупный, летний, такой стремительный, что солнце продолжает ещё светить, а капли, обволакиваясь пылью, шариками катятся по дороге, или грозовой ливень, наполняющий все колен водой, когда реки выходят из берегов, заливают луга, поднимаются до вершины прибрежной насыпи. Вот так бы и сейчас. Лечь на спину, открыть рот, подставить его стремительно летящим каплям. И капли эти смоят кровь с растрескавшихся губ, остынет опухший язык, вернётся голос, перестанут гноиться глаза. А потом река поднимется сюда, к самой проволоке, побегут ручейки, можно будет опустить в них голову и пить, пить, пить...

— Знаешь, Зина, — сказала Надя, — если бы сейчас поднялась вода в реке, немцы отогнали бы людей и подняли выше проволоку.

— А если пойдёт дождь?

— Они запасливые. Я уверена, что у них есть большие полотнища брезента. Они укроют людей, не дадут им дождя... Смотри, смотри!

В том месте, где проволока доходила почти до самой реки, из грязи поднялась лохматая голова человека. Он, видимо, ногтями выкопал небольшую ямку под проволокой и просунул в неё голову и одну руку.

Разве бывают у людей такие длинные руки? Чёрная, костлявая рука протянулась к самой воде. Вот уже пальцы коснулись воды — это было видно по кругам на поверхности реки. Зина схватила надин локоть, крепко сжала своими пальцами. Человек медленно тянул

обратно руку и, выворачивая шею, пригнул голову. Он, видимо, хотел обсосать мокрые пальцы.

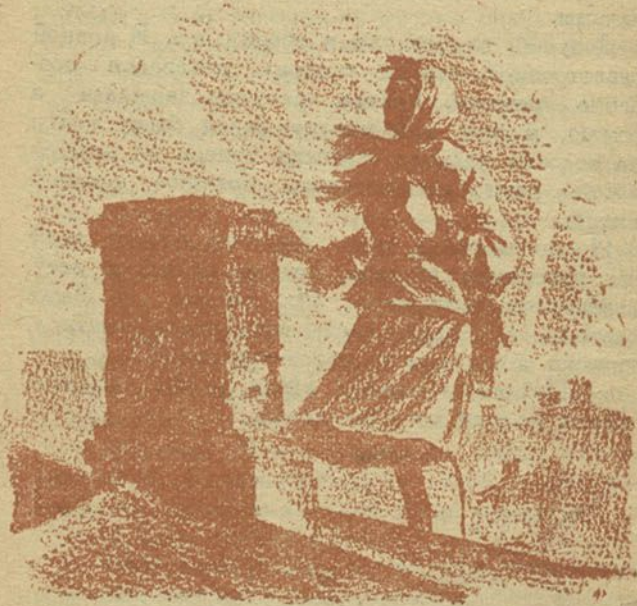
Девушки вздрогнули и обернулись. В ровной безветренной тишине выстрел показался особенно громким. Голова человека зарылась в землю, и там, где минуту назад были круги на воде от пальцев человека, теперь на поверхности реки расплывалось большое розовое пятно.

И опять стало тихо. Ленивые собаки даже не повернули головы. Только сзади, в лесу, стрекотали кузнечики. Их раньше не было слышно, а теперь, когда прокатился выстрел, тишина стала как-то более ощутимой.

— Пойдём, — сказала Надя. — Мы должны увести отсюда хотя бы двоих.

II. ВОЙНА

До войны Надя Троян училась на медицинском факультете 1-го Московского ордена Ленина государственного университета. Жила в Алексеевском студенческом городке возле Сельскохозяйственной выставки. Жила, как десятки тысяч московских студенток. Она любила театр и на премьеры МХАТа часами выстаивала с подругами за билетами. Зимой ходила на лыжах, летом

устроивала гонки на велосипеде по Ленинградскому шоссе.

Когда в 1941 году отца назначили на работу в Минск, Надя была переведена туда же, в Медицинский институт. Отец Нади — Виктор Осипович — часто переезжал с места на место. Он начал свою трудовую жизнь свинопасом в местечке под Гродно, самоучкой получил знания за среднюю школу, преподавал в сельской школе, потом работал счетоводом, бухгалтером. Его жена Евдокия Григорьевна так же, как и Виктор Осипович, извела горечь хозяйского хлеба.

Первая их дочь Надя родилась в трудном 1921 году в городке Дрисса, у самой границы с Польшей. В три года маленькая Надя проделала уже своё первое путешествие. Виктор Осипович переехал на работу в Сибирь в город Красноярск. Тут, в Красноярске, а затем на стекольном заводе имени Тринадцати борцов и начала учиться Надя. Пришло неизбежное для каждого ребёнка время, когда он задаёт свои многочисленные вопросы — «почему?» и «отчего?» И Надя спрашивала мать: почему завод называется именем тринадцати борцов? Кем были эти люди? За что они боролись?

Евдокия Григорьевна рассказала, что в годы гражданской войны, когда в Сибири правил белый адмирал Колчак, на стекольном заводе собралась группа рабочих, раздобыла оружие, патроны и ушла в лес.

— Это были красноармейцы? — спросила Надя.

— Нет, — сказала Евдокия Григорьевна. —

Это были рабочие. Они боролись с колчаковцами, взрывали поезда белогвардейцев, жгли склады, устраивали засады. В Сибири и на Дальнем Востоке много было таких вооружённых отрядов рабочих и крестьян. Их называли партизанами. Помнишь, как в песне поётся: «Партизанские отряды занимали города...»

Колчаковцы окружили небольшую группу партизан — рабочих стекольного завода. Часть, отстреливаясь, погибла, а тринадцать человек были захвачены в плен. Их привели на стекольный завод, заставили вырыть большую яму и перед этой ямой расстреляли... Именем этих героев и назван завод.

Слышанное в детстве запоминается накрепко. На всю жизнь запомнила Надя рассказ матери о тринадцати борцах-партизанах Сибири. В детских мечтах она видела себя такой же смелой и самоотверженной, как эти тринадцать.

В Красноярске, на стекольном заводе, Наде удалось проучиться только в первых двух классах. Отца перевели в Иркутск, а затем на Кавказ, в город Грозный. Двенадцати лет Надя успела побывать в противоположных углах Советского Союза, увидеть Белоруссию, Сибирь и Кавказ. В Грозном она окончила семилетку.

Но и на Кавказе семья Троян побыла недолго. Виктор Осипович заболел бронхиальной астмой, и врачи предложили ему переехать в центральные районы России. Так Надя очутилась в Воронежской области, на живописном хуторе «Тихий Дон». Отец работал на заводе, семья жила в заводском посёлке. Надя поступила в восьмой класс полной средней школы

в соседнем селе Водопьяново. Сюда, в село своего имени, прилетал Герой Советского Союза Михаил Васильевич Водопьянов. Заходил он и в школу, долго беседовал с учениками и в их числе с Надей Троян. Девочка с косичками доходила знаменитому лётчику до пояса. Чтоб разглядеть его, ей приходилось, отойдя на некоторое расстояние, смотреть на него снизу вверх. И не знали тогда, что спустя несколько лет эта девочка прославится и так же, как знаменитый лётчик, получит звание Героя Советского Союза.

В водопьяновской школе Надя Троян вступила в комсомол, а затем была избрана секретарём комсомольской организации.

Никаких отметок, кроме «отлично», Надя не получала, а потом, окончив школу, была принята в Медицинский институт без экзаменов.

Привычку учиться на «отлично» она сохранила и в университете. Тут было много интересного и нового. Ранее прочитанные книги: «Записки врача» Вересаева, «Цитадель» Кронина, она перечитывала вновь. Но теперь словно широко раздвинулись рамки написанного в этих книгах. Надя чувствовала и понимала то, что чувствовали героини этих книг — врачи. Она читала всё, что удавалось достать по медицине, подчёркивала, выписывала.

В субботу 21 июня Надя готовилась к экзамену по физиологии. Собственно, всё то, что нужно было для экзамена, уже запомнилось накрепко. Надя читала книгу об академике Павлове. Снова и снова радовалась она тому, что теперь может понять всё прочитанное.

Мать заканчивала для Нади новое платье. В воскресенье, 22-го, намечался большой праздник: открытие искусственного озера, которое вырыли минчане. Надя условилась с подругами встать пораньше и пойти на озеро, когда особенно чист воздух и прозрачна вода. Много планов было на это воскресенье у Нади. И, наверное, не у неё одной.

Но всё вышло по-другому.

В воскресенье Надя пошла в институт на экстренное комсомольское собрание. А в понедельник уже прибыли первые раненые. Надя помогала оборудовать госпиталь, дежурила на крыше, а в свободные часы готовила одежду для похода.

В эти дни тяжело заболел отец. Надя поочередно с матерью дежурила у его постели. Дни были наполнены горем. Горели дома, горел молодой сад, посаженный комсомольцами возле озера, визжали, рвались фугаски, разнося смерть и уничтожение. Отец по ночам задыхался от астмы и не мог спускаться в душное бомбоубежище.

Десятки новых обязанностей появились у Нади: она заменяла отца на фабрике, оборудовала бомбоубежище в доме, училась гасить зажигательные бомбы. Надя не ходила, а бегала, спала урывками — по два-три часа в сутки.

В Минске хозяйничали немцы. Утром Надя увидела в окне танк с белым крестом и свастикой.

Что натворили фашисты в городе? Лучшие, центральные улицы они превратили в развалины. На Советской улице, пересекающей

город из конца в конец, не сохранилось ни одного целого здания.

Разрушая дома, больницы, театры, музеи, немцы одновременно строили концентрационные лагеря. В районе Юбилейной площади они устроили еврейское гетто. Точнее — это было гигантское кладбище, которое отличалось от обычных тем, что людей, обречённых на смерть, свозили сюда ещё живыми. На выжженной земле вбивали колья, возводили высокую колючую ограду. По углам стояли часовые. Они стреляли в каждого, кто приближался к проволоке.

Надя и Зина обследовали расположение лагеря в Дроздах и полуразрушенной больнице. Днём подползти к заключённым невозможно. Девушки пошли домой с тем, чтобы вернуться сюда, когда стемнеет. Ночью они захватили с собой из дому несколько комплектов штатской одежды. Возле лагеря двое немецких часовых, разморённых жарой, дремали. Это помогло девушкам организовать побег нескольким военнопленным. Под колючую проволоку пролезли четверо заключённых. Первый выпил фляжку воды и засмеялся. Это был молодой вихрастый украинец.

— Тише, — Надя прижала палец к губам. — Тише. Могут услышать.

Но молодому человеку трудно сдержать свою радость. Он чувствовал: с глотком воды к нему вернулась жизнь.

Четверо спасённых оказались ранеными командирами Красной Армии. Девушки помогли им переодеться в штатское. По обочине дороги, задами домов все шестеро пробрались в Минск. Здесь в одном из разрушенных зданий Надя

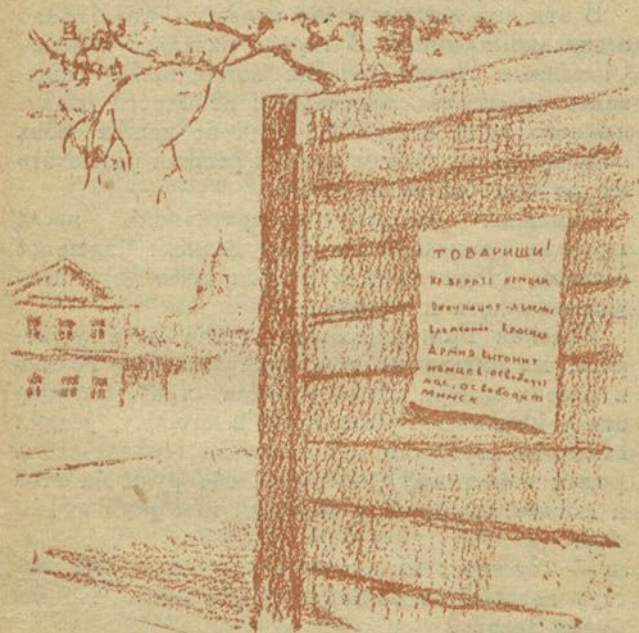

перевязала раненых и уложила их спать, замаскировав камнями.

Что было с этими людьми потом? Кто принёс им на завтра еду, кто перевязал нагноившиеся раны, кто вывел из Минска? Надя не знала этого тогда. Не знает и сейчас, сегодня, когда пишутся эти строки. Может быть, если попадётся им эта книга, они напишут нам, и тогда мы узнаем об их судьбе.

III. ПАРТИЗАН-ОДИНОЧКА

В первые недели хозяйничанья в Минске немцы стали проводить регистрацию населения на бирже труда. Делалось это, как часто практиковали немцы, вначале добровольно. Но потом, когда добровольцев, как и следовало ожидать, не оказалось, мобилизация поручалась гестапо. Пускались в ход резиновые дубинки, наручники, тюрьма и висе-

лица. Надя уклонилась от регистрации на бирже труда.

В эти дни немцам стало известно, что бежало несколько пленных. В городе начались облавы. Спасённые Надей раненые командиры, скрываясь от облавы, перебежали из одного разрушенного дома в другой. Надя не нашла своих подшефных на старом месте и решила разыскать их во что бы то ни стало.

Однажды вечером, возвратившись после тщетных поисков по разрушенным зданиям Минска, Надя застала у себя дома двух немцев — солдата и офицера.

Евдокия Григорьевна встретила дочь у порога, но ничего не успела сказать ей. Только в глазах матери Надя увидела страх. Офицер отвёл Евдокию Григорьевну в сторону, усадил Надю на стул, сам сел напротив (солдат стоял рядом навытяжку), положил обе руки на стол и сказал по-русски с сильным немецким акцентом:

— Ну вот, Надежда Викторовна, нам всё есть известно о ваших преступлениях. Что мы будем делать?

Надя молчала. Она вдруг услышала, как тикают часы и шуршат шины по засохшей грязи на улице. Посмотрела на мать, но немец посадил Евдокию Григорьевну лицом к стене. Надя старалась сосредоточиться, думать, найти выход. А вместо этого в память настойчиво врывались слова стихов: «Бывают и годы короче мгновенья, бывают мгновенья длиннее веков».

— Ну, что вы думаете, Надья? Вам девятнадцать лет? На это вы в состоянии отвечать? Девятнадцать?

— Да, — тихо сказала Надя.

— Плохое время умирать, Надья. Особенно через повешенье. — Немец улыбнулся. — Ну, расскажите всё, и мы всё прощаем.

Надя смотрела на руки немца (он продолжал держать их на столе) и думала о матери, об отце, о младшем братишке. И немец словно угадывал её мысли. Он сказал тихо, почти шопотом:

— Поведем — матер плакать будет!

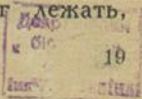
И опять смотрел на Надю.

Мать хотела повернуться на стуле, но солдат буркнул что-то по-немецки грозно и устрашающе. Надя видела, как вздрагивают плечи матери.

В комнате было тихо. Только, как никогда, чётко тикали часы.

«Как могли они узнать обо мне?» — думала Надя. Хотя это как раз самое простое. Можно было выследить её и Зину возле лагеря и возле разрушенного дома... Надя вспомнила, что вст уже несколько дней шли облавы, немцы шарили по всем домам и развалинам. «Может быть, тех четырёх командиров нашли, арестовали, били, и они... Нет, нет, только не это». Люди, которых она спасла, не могли предать её. Тут что-то другое. Но что?

И вспомнились первые дни прихода немцев. У отца был тяжёлый приступ. Он сидел на кровати, согнувшись, сжав колени руками и, казалось, вдавливал в себя воздух. Надя не раз видела отцовские приступы тяжёлой болезни. Из-за астмы Виктор Осипович переезжал с места на место, меняя климат. Но проходило немного времени, организм привыкал к новому климату — и астма внезапно ночью наваливалась вновь. Виктор Осипович не мог лежать,

не мог передвигаться, синели губы, глаза наливались кровью. Надя зажигала вонючий порошок и, зажимая нос, подносила дымящееся блюдо отцу. Страшно было смотреть на его искажившееся лицо, слышать хрипы, видеть, как он руками ловит воздух и, утомлённый, мокрый от пота, падает головой на подушку и поднимается опять, потому что сидя легче дышать.

Так было и в то утро, когда на улицах разрушенного Минска появились танки со свастикой.

В квартиру Троян вошли три немца.

— Красноармейцы есть? — один из немцев кое-как говорил по-русски.

— Нет, — сказала Надя.

— Мужчины?

— Отец.

— Сколько лет?

— Сорок семь.

Один из немцев, худой и высокий, подошёл к кровати отца, пока другие шарили в буфетах и в шкафах.

— Тссс, — немец положил указательный палец поперёк губ.

— Тссс, — немцы, которые делали обыск, застыли. Высокий немец слушал. Отец хрипел. Немец махнул рукой и сказал по-немецки:

— Продолжайте.

Немец, говоривший по-русски, сказал:

— Мы пришли освободить вас. Но обманывать нас нельзя. Немецкое командование знает о вас всё. Чем вы дышите...

И, улыбнувшись, галантно откозырнул и вышел. Это был второй случай, когда Надя видела немцев. А первый раз она видела их при

таких обстоятельствах. За несколько дней до занятия немцами Минска Надя с отцом, матерью и братом уходили в лес, спасаясь от бомбардировки. Минск горел со всех сторон. Спасение было только в лесу, и то к западу от Минска, ибо сопротивлявшийся город был уже обойдён врагом. И вот по дороге в лес Надя встретила группу милиционеров, женщину в платочке, колхозницу и железнодорожников. Они шли с поднятыми вверх руками под конвоем красноармейцев.

Идущие из Минска остановились.

— Что это? — спросила Надя.

— Подлость, — сказал отец и плюнул. — Начинают провокацией и обманом. — Он отвернулся. — Противно смотреть.

Подошли ближе. И теперь Надя поняла, в чём дело. Это были немецкие диверсанты-парашютисты, переодетые в наших советских людей. Вот в таком виде Надя впервые увидела врагов. И ей накрепко запомнились отцовские слова: «Провокация — оружие трусов».

— Ну, — сказал немец. Ему, видимо, надоело, надино молчание. — Вы долго молчите. Значит, знаете ваша виновность. Последний раз. Ответствуйте!

Теперь немец говорил громко, почти кричал. Резко отодвинул стул, встал, вынул из кармана фонарик, положил на стол. Снова полез в карман. Но, неожиданно передумав, размахнулся, ударил кулаком по столу и... вздрогнул. Надя в это время в упор смотрела на немца. От удара по столу внезапно зажётся фонарик, сноп света ударил немцу в лицо. Как тот перепугался! Это было одно лишь мгновенье. Так бывает в тёмную ночь, когда сверкнёт молния

и виденное полсекунды запечатлевается навсегда, словно отпечаток на фотопластинке. Наде запомнились выпученные глаза немца, бледное лицо, скошенные губы — страх.

И опять в комнате стало так тихо, что слышались шаги маятника. Надя посмотрела в угол, где сидела мать. Теперь плечи её не вздрагивали. Мать сидела прямо и спокойно.

— Что вам надо от меня? — Надя говорила тоже спокойно, но громко. — Что вы ловите меня, провоцируете, запугиваете? В чём дело?

— О, вы, фрейлен, повышаете голос. Я могу вас арестовать хотя бы за... — немец подбирал слова — ...за то, что вы уклоняетесь от регистрации биржи труда. Отказ от работы карается... Ну, вы знаете.

Теперь Наде захотелось смеяться. И она рассмеялась. Прав был тогда отец: немцы — провокаторы и жалкие трусы. Значит, немец ничего не знал. Он выводил просто так, на всякий случай, пугал виселицей, а сам испугался собственного фонарика.

— Пойдём, — грубо сказал офицер солдату. Теперь, после случая с фонариком, он не был расположен к длинным разговорам.

На следующий день Надю и ещё нескольких женщин повезли в большом грузовике на работу. Только вчера её допрашивал немецкий офицер. А как много произошло за одни сутки! Наде казалось, что она прожила целую жизнь, стала более решительной, спокойной, уверенной. В каждом немце она видела испуганного фонариком офицера. На центральных улицах города немецкие солдаты из открытых люков танкеток бросали детям конфеты, а

за городом расстреливали детей, закапывали живыми в землю, убивали, смазывая губы ядом. Всё у них фальшивое, показное, провокационное. Даже шаг у солдат, проходящих колонной по улице, неестественный, фальшивый.

Немцы были вооружены и обвешаны бесчисленным количеством предметов: фонариками, компасами, планшетками, футлярами, биноклями, кобурами. Цивилизация? Нет. Показной шик. На конфетах и галетах, которые разбрасывали немцы, были этикетки — французские, польские, голландские и других стран. Немецких этикеток почти не было. Попалась одна. Её принёс с улицы мальчик, товарищ надиного брата. Под этой этикеткой оказались чёрные галеты, твёрдые, как кирпич.

С первых же дней оккупации кто-то уже боролся с немцами. На дворе возле своего дома Надя нашла листок бумаги с двумя строчками, напечатанными на машинке:

«Товарищи! Не верьте немцам. Оккупация — явление временное. Красная Армия выгонит немцев, освободит нас, освободит Минск».

Надя переписала эти несколько слов десять раз на одинаковых клочках бумаги и ночью расклеила по городу.

Партизанка-одиночка? Да, пожалуй, такой она была в те дни, когда одна, без чьей-либо помощи, без руководства и поддержки, кралась от дома к дому и заранее вымазанный клеем лист бумаги прижимала ладонью к стене.

Под утро Надя вместе со своей соседкой и подругой Зиной выкопали из земли спрятанный туда радиоприёмник и попытались исправить его, послушать Москву. Но это не удалось. Они плохо разбирались в радиотехнике,

и приёмник упорно молчал. А как хотелось узнать, что делается по ту сторону, за линией фронта, дома, на родной земле, не опоганенной немцами. Первую весть об этом принесла листовка, сброшенная с нашего самолёта. В ней было написано, что в Киеве происходят комсомольско-молодёжные собрания, что киевляне становятся на защиту своего родного города. Как радостно было читать эти строки! Надя спрятала листовку и, когда поехала на биржу труда, прочитала её женщинам, которых везли вместе с ней. Тогда, в первые дни своей работы, Надя не думала о конспирации. К счастью, в этой группе женщин не было подосланных провокаторов. Листовку не только читали. Каждая женщина хотела потрогать её, подержат в руках.

— Надо действовать. — Надя говорила это каждой из ехавших с ней женщин. — Под лежащий камень вода не течёт. Нас больше, во много раз больше, чем немцев. Если мы будем действовать сообща, мы скорее избавимся, уничтожим фашистов.

Было условлено сегодня же на обратном пути обсудить план действий.

Но случилось по-другому. Как говорят старики: «Не то горе будет, что ждёшь, а то, о котором не ведаешь».

Всё было договорено. Надя мыла окна и полы (женщин заставляли убирать помещение под казарму) и тут же условилась со своими новыми подругами, где и когда собраться, как организовать группу, кому уйти в лес (о партизанах они тогда ещё не знали).

Но вот неожиданно пришёл гауптфельдфе-

бель. Прищурившись, посмотрел он в список работниц и громко прочитал фамилию:

— Грищук!

Список был составлен по алфавиту, и Женя Грищук стояла в нём первая. Зачем и куда её вызывают — никто не знал. Но ничего хорошего от немцев не ждали. Женщины бросили работу и смотрели то на гауптфельдфебеля, то на Женю, которая шла к нему медленно, вытирая руки о передник.

— Шнеллер! — подгонял немец. И тут же перевёл: — Шкорее! — Он провёл пальцами по строчкам списка и выкрикнул:

— Троян!.. Надьежда!.. Шнеллер!

О чём думала Надя, когда, отложив на подоконник тряпку, шла к гауптфельдфебелю? Он ухмылялся и всем своим видом хотел выразить, что вот, мол, сейчас с этими двумя девушками произойдёт нечто из ряда вон выходящее.

Но Надя за эти дни узнала немцев. Тысячи людей они вызывали на перерегистрацию, проверяли по списку в порядке алфавита, вежливо спрашивали, заполняя анкету, затем выводили другим ходом во двор и расстреливали. Немцы издевались над своими жертвами. Они любили испугать человека расстрелом или, наоборот, вежливо попросить заполнить анкету, выводя во двор, галантно пропустить первым в дверь и, когда жертва, умилённая культурным обращением, поблагодарит за внимание, убить её в спину...

Когда Надя подошла к гауптфельдфебелю и стала рядом с подругой, Женя прошептала:

— Что с нами будет, Надя?

— А ничего. Запугивает, — сказала Надя.

— Штиль! — крикнул немец. — Замолкнуть! —

Он скомандовал поворот, вывел девушек во двор, приказал им спуститься в тёмный подвал.

— Жених есть? — спросил немец.

Девушки молчали.

— Завешание есть? Молшите? Немые от страха? — Он рассмеялся. — Жених есть раздавленный немецким танком. Хорошо. Я вызвал вас чистить картофель. Шнеллер! — Он пошёл вверх по лестнице, и, пока не захлопнулся тяжёлый люк подвала, девушки слышали его самодовольный смех.

Теперь Надя и Женя были отделены от женщин, с которыми хотели бежать.

«Познаём друзей и близких в час, когда пришла беда». Эти слова Шота Руставели из «Витязя в тигровой шкуре» часто вспоминала Надя. В подвале с картошкой, сыром и тесном, где она сидела рядом с Женей — локоть к локтю, родилась дружба этих двух девушек, дружба, смоченная слезами горя и обиды, скреплённая клятвой верности в борьбе за общее дело.

В городе шли массовые расстрелы. Немцы уколашали виселицами перекрёстки и площади Минска, обносили колючей проволокой новые и новые пустыри, устраивали огромные загоны для людей. Короче говоря, устанавливался так называемый «новый порядок».

Каждый раз по окончании работы Надя шла мимо концентрационного лагеря. Лето подходило к концу. Запылились деревья, потускнела зелень, побурели выгоревшие косогоры. Но дождя не было. И попрежнему люди за колючей проволокой умирали самой страшной смертью — смертью от жажды.

Действовать в одиночку было трудно. Надя и Женя внимательно приглядывались, подбирали людей среди тех, кто работал с ними на овощном складе. Они старались быть очень осторожными, ибо немцы всё шире пользовались своим излюбленным методом — подсылали к советским людям провокаторов под видом обиженных и недовольных оккупантами.

Вся система работы немцев была построена на слежке, доносах и шантаже. Не убереглись от этого и Надя с Женей. Случилось это так. Девушки завербовали в свою группу пятнадцать человек. Решено было вооружиться и пойти в лес. Готовились исподволь. Уже были грипасены медикаменты, продукты и патроны. Нехватало оружия, но была надежда, что вскоре удастся достать несколько пистолетов. Незадолго до установленного дня побега в группу вошёл шестнадцатый человек — шофёр. Девушки раньше не знали его, но шофёр говорил, что ненавидит немцев, хочет уйти в лес, может достать машину и отвезти всех людей, оружие, боеприпасы и продукты.

Но он-то как раз и оказался провокатором: узнав человек десять из группы, он всех их выдал, и только конспирация спасла Надю, Женю и ещё троих девушек. Шофёр о них не знал. Все остальные были арестованы и заключены в концентрационный лагерь.

IV. НА ТОРФЯНОМ ЗАВОДЕ

Спустя несколько месяцев после прихода немцев отца Нади Виктора Осиповича отправили работать за 30 километров от Минска в местечко Смолевичи на торфозавод. Кругом был лес. Отец говорил дома, что в лесу много вооружённых советских людей, что это рассказывали местные жители.

Надо было найти этих людей — партизан и остаться с ними.

Но как это сделать? Ведь вот уже дважды срывались надины планы. Перехитрить немцев оказалось делом нелёгким. Не удалось сколотить группу в Минске, где у Нади было много знакомых, а на торфозаводе будет ещё труднее.

Надя предвидела всё это, но всё же добилась работы в Смолевичах и переехала к родителям на торфозавод. Определили её работать в контору счетоводом. Здесь Надя, помня о предателе-шофёре, осторожно приобретала подруг, посвящая их в свои планы только тогда, когда была в них совершенно уверена. В течение месяца она сдружилась с четырьмя девушками, которые работали на заводе: Шурой Боровской, Ниной Гуленковой, Соней Короленко и Лидой Пашукевич.

Лето было на ущербе. Порывистый ветер гнул деревья, гнал первые пожелтевшие листья, гудел в телеграфных проводах, шуршал колючей проволокой. Сколько было этой колючей проволоки! В каждом, даже самом малом селении отгораживалось место для лагеря военнопленных. Тут, за колючей оградой, лежали вповалку мужчины, женщины, дети, старики и старухи.

Первой тронулась осенней грустью берёза. Пожухла листва, в вершине дерева, как первая седина, вкрапился жёлтые листья. На смену мукам от жажды пришли страдания от холода и сырости. Люди за колючей проволокой лежали клубком: голова к ногам, ноги к животу. Немецкие часовые развлекались — кричали время от времени по-немецки:

— Разойдись! — и стреляли по клубку людей короткой очередью из автомата.

— Мы совершаем преступление, — говорила Надя подругам. — Мы много говорим, толкуем, судим да рядим, а дело ни с места. Надо действовать, надо идти в лес, искать наших людей, вместе с ними бороться против немцев. А так дальше жить невозможно!

Одна из надиных подруг, Соня Короленко, сказала:

— Я знаю одну девушку — Нюру Косаревскую. Она работает в больнице медсестрой и, мне кажется, связана с партизанами. Но как подойти к ней, как сказать? Не поверит.

— Поверит! — Надя решительно взяла Соню за руку. — Пойдём. Веди меня к ней.

Девушки не оказалось дома. Подруги дождались, пока она вернулась с дежурства, и Надя без обиняков сказала ей о цели прихода.

— Почему вы пришли именно ко мне? — удивилась Нюра.

— Мы знаем, — сказала Соня, — мы знаем, что вы связаны с партизанами. Вы можете помочь нам.

— Нет, девушки, вы ошибаетесь. Я слышала, что в лесу есть наши вооружённые люди...

— «Наши»! — радостно воскликнула Надя. — Вы говорите «наши, наши вооружённые люди»! Значит, вы наша, значит, вы тоже ненавидите немцев. Мы не можем дальше так жить, понимаете, не можем. Скажите, с кем нам связаться, или свяжите нас с ними. Мы хотим уйти в лес. Мы не желаем больше работать на немцев, какую бы работу мы ни делали.

Пока Надя говорила — горячо и страстно, —

Нюра молча смотрела на неё. По выражению её лица ничего нельзя было понять.

— Ну поверьте же нам, поверьте! — Надя говорила с мольбой в голосе. — Мы учились с вами в одном институте. Вы ведь видели меня, знаете. Я — комсомолка. Неужели вы не верите мне?

— Верю, Надя, конечно верю. Только чем я могу вам помочь?

— Отправить меня к партизанам.

— Я не знаю, где они.

— Неправда. Я уверена, что знаете. Мы сами с Соней пойдём в лес, будем бродить и найдём их.

— Этого не надо делать. Там немецкие патрули. Они поймают вас и повесят.

— Но что же делать? Вы знаете, к нам на торфяной завод назначили нового шефа из немецкого генерального комиссариата...

— Его фамилия Генрихс? — спросила Нюра.

— Да, Генрихс. А вы откуда его знаете?

— Так, слышала, говорили люди. Любит мучить.

— Вы бы посмотрели, Нюра, что он с людьми делает. Вы бы пришли к нам на завод. Тогда поняли бы нас... Вот вчера пригнали на работу людей, а среди них старичок. Маленький такой, седенький. На торфе работать тяжело. Старик не смог справиться. Доложили Генрихсу. Я в конторе была. Смотрю в окно. Привели старика, приказал ему Генрихс раздеться. Холодно вчера было и ветрено. Старик медлил. Тогда Генрихс сам сорвал с него рубаху и брюки, даже крестик с шеи содрал. И кнутом погнал к пожарной. Велел вынести стул, сел посреди двора, между столовой и пожарной, и по

крикивал на старика, чтобы тот быстрее бегал. А когда старик пробежал мимо него, ударял его хлыстом по спине. Хлыст длинный, далеко доставал. Нет, Нюра, это невозможно вспоминать. Генрихс потом ушёл и приказал своему помощнику гонять старика. Старик всё бегал, падал, а его хлестали по спине. Кровь со спины стекала по ногам. Дорожка покраснела от крови, стала скользкой. Старик падал всё чаще и чаще. А когда вернулся Генрихс, старик был уже мёртв. Генрихс перевернул его носком сапога и приказал убрать... И я молчала. Понимаете, я молчала, потому что нельзя было выдать себя...

— Ну, Надя, не надо.—Нюра подошла к ней и обняла за плечи.—Не надо, дорогая. Вы хорошая девушка и умная. Хорошо, что вы не выдали себя немцам. И дальше не выдавайте. Слышите?

— Да.

— Смотрите повнимательнее и прислушивайтесь ко всему, что делается вокруг. И приходите ко мне, будем дружить.

— Будем дружить, Нюра.

На прощанье Нюра крепко пожала руки Наде и Соне.

V. МЕЧТЫ И ПОИСКИ

В свободные от работы часы Надя с подругами отправлялась в лес. Чтобы обмануть немецкие патрули, они брали с собой лукошки для грибов.

Листопад, словно флагами, разукрасил чащу. Все деревья сменили одноцветную зелень листьев на праздничный цвет своей породы.

Чище и прозрачнее стала вода в красивых лесных речушках, шуршала под ногами опавшая листва, и от этого таинственный шорох шёл по

лесу. Девушкам казалось: вот крадутся люди... Сейчас подойдут к ним, спросят:

— Кто такие?

А они ответят:

— Свои. К вам идём.

Но людей не было. Только ветер мёл по полянам лист, устилая багряно-жёлтым ковром все тропинки. Осень...

Вспоминалась девушкам другая осень. Первый праздник — именины Веры, Надежды, Любви и Софии. Потом — начало занятий. Первый звонок, радостные встречи, новости, весёлая суета на уроках. А там близко праздник Октябрьской революции. И каждая из девушек вспоминала, как этот праздник прошёл у неё в прошлом и позапрошлом году...

Поиски в лесу ни к чему не привели. Да и ходить далеко не удавалось. Дни становились короткими, ночи длинными, тёмными. Кончится работа в конторе торфозавода, а там и свет зажигать впору.

Надя приходила домой расстроенная. Она ничего не говорила матери, но Евдокия Григорьевна чувствовала, что делается с дочкой. Над столом в комнате, где жили Троян, было несколько клеток с птицами. Когда потянулись на делёкий юг, к берегам Нила и Ганга пернатые, и уже лебеди красиво проплыли по небу, забеспокоились их маленькие сородичи, забились тревожно в клетках скворцы и зяблики. Смотрела на них Евдокия Григорьевна и думала, что так же вот бьётся её Надя.

Ещё несколько раз была Надя у Нюры, ближе подружилась с ней. Но слышала одно: работай и слушай.

Однажды в разговоре с Нюрой Надя сказа-

ла ей, что скрыла от заводского начальства своё знание немецкого языка. А язык этот она знала хорошо. Ещё в краснойарской школе классная руководительница Ольга Александровна Малышевская сумела привить своим ученикам любовь к изучению иностранных языков.

На всю жизнь запомнился Наде первый урок немецкого языка. Ольга Александровна вызвала к доске одну из учениц.

— Переведите, — сказала она ей, — первую фразу в учебнике. И крупно напишите на доске.

Девушка написала слова Карла Маркса:

«Знание иностранного языка есть оружие в войне между людьми».

— А теперь, — сказала учительница, — перепишем эту фразу на первую страницу наших тетрадей. С этого мы и начнём изучение иностранного языка.

Теперь Надя знала немецкий язык, но скрыла это от немцев.

— Зря скрыла, — сказала Нюра, — немцы могли бы заставить тебя быть переводчицей. Таким образом ты узнала бы их секреты.

— А на что мне секреты? Всё равно ты не хочешь сказать мне, где партизаны, как пройти к ним.

— Много узнаешь, скоро состаришься. — Нюра улыбнулась. — Ничего, Надя. Как-нибудь партизанам сообщим. Разведай только немецкие секреты. Есть хорошая пословица: «Кто говорит, тот сеет, кто слушает, тот жнёт». Помни об этом.

Надя шла домой. На улице стоял танк, покрытый брезентом, а на нём огромная — метровая — чёрная свастика. Не первый день были здесь немцы. А всё-таки от этой вот

огромной свастики стало не по себе. Вот она, тут перед глазами, отвратительно свилась двумя змеями.

Надя тяжело вздохнула, и, казалось, воздух застревает где-то в лёгких, как это бывает во время приступа у отца.

Тяжело было отказаться от мечты о лесе, о другой стороне, где нет змеиной свастики, немцев, колючей проволоки, где можно бороться в открытую. И земля эта тут рядом — пешком дойти за два часа...

Конечно, Нюра знает, где партизаны. Но было наивно спрашивать её об этом. «Вот, — подумала Надя, — не сообразила же я, что существует конспирация. Не могла же, в самом деле, Нюра сразу, ни с того ни с сего, выложить двум почти незнакомым девушкам все сведения о партизанах».

Теперь надо добыть у немцев важные для партизан сведения, и тогда могла осуществиться надина мечта уйти в лес, бороться с немцами. Скоро представился подходящий случай.

Осень 1942 года принесла немецко-фашистским захватчикам много бед. Минская область была оккупирована в самом начале войны. Но гитлеровцы никогда не были полными и длинными хозяевами на территории области.

В своём историческом выступлении 3 июля 1941 года товарищ Сталин поставил задачу перед нашим народом, попавшим под иго немецких оккупантов: «...создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

У белорусских партизан — рабочих, колхозников, врачей, инженеров, партийных работников —

людей самых различных профессий, объединённых общей ненавистью к оккупантам, ещё не было никакого опыта партизанской борьбы, но во всех районах Минской области были уже созданы подпольные партийные центры, которые руководили партизанским движением.

Около трёх месяцев шла организационная работа. А осенью, когда Надя связалась с Нюрой Косаревской, в Белоруссии уже действовала многотысячная армия народных мстителей.

Уже не одна Надя, переписывая от руки, расклеивала по Минску клочки бумаги с обращением к советским людям. По всему Минску белели листовки, на которых было напечатано типографским способом:

«Немцы хотят поставить наш народ в полную зависимость от себя. Они хотят уничтожить то, что добыто нашим трудом, превратить нас в своих послушных рабов и слуг. Великую Россию они хотят поставить на колени.

Этому никогда не бывать! Россия Ленина и Сталина не будет рабом. Из человека, привыкшего к свободе, не сделаешь раба. Такой человек должен остаться свободным или же умереть».

Где было напечатано это воззвание? В лесу, в первой партизанской типографии. Её увезли у немцев ещё летом 1941 года. Партизаны установили связь с рабочими типографии, дали им задание подготовить всё к похищению. А в одну из дождливых ночей пришла из лесу машина, партизаны погрузили типографию и увезли.

Германское командование издало десять заповедей солдата о борьбе с партизанами. Одна из таких заповедей гласила: «Война продолжается

и идёт тогда, когда мы едем в поле за фуражом, когда жарим картофель и когда идём спать».

Фашистские офицеры приказывали своим солдатам:

«Не принимать пищу у местного населения до тех пор, пока не попробуют хозяева, так как пища может быть отравленной. Ночевать в селе поодиночке не разрешается: могут зарезать или убить».

Когда крестьяне просят показать винтовку, не давать: могут убить».

Но и все наставления, приказы и даже заповеди не спасали. Неизмеримо сильна была ненависть народа к оккупантам. Немцы жили одной надеждой — на осень и зиму.

«Не поддерживайте партизан,— писали немцы, обращаясь к населению Белоруссии. — Песенка партизан спета. Дожди, а затем морозы выгонят их из леса, и мы перестреляем их, как куропаток».

Осень в том году выдалась действительно дождливая и холодная. Рано начались утренние заморозки, и кое-где не пожелтевшая ещё трава покрылась белой изморозью.

В такие холодные утра шеф торфяного завода Генрихс бывал в отличном расположении духа.

«Партизаны капут», — ухмыляясь, говорил он своим подчинённым. И как бы в подтверждение его слов на торфяной завод прибыла комиссия государственных чиновников из Берлина, и он принимал представителей высокого начальства.

Когда прибывшие немецкие инженеры вместе с шефом завода вышли из его кабинета и направились в контору, Нади Троян на её обычном месте — за столом возле окошка — не оказалась. Генрихс приказал немедленно разыскать её. Нем-

цы вышли во двор и стали возле автомобиля. Несколько служащих побежали искать Надю.

Перед этим Надя вместе с Женей и Нюрой долго, почти до рассвета рисовала яркие плакаты из трёх слов. А утром эти три слова были приклеены к немецким объявлениям, кричавшим о том, что «осень и зима выгонят партизан из лесов, что сопротивление немцам бесполезно, ибо Красная Армия разбита и уничтожена». Эти объявления были перечёркнуты тремя словами, написанными красной краской: «*Явная немецкая ложь*». Такой поправкой снабдили девушки все воззвания немцев.

И в тот день Надя опять попросила Нюру проводить её в лес к партизанам (Надя уже догадывалась, по чьим заданиям работает эта девушка). Но и сейчас Нюра категорически отказала. Теперь это звучало, как приказ. Продолжать работать в тылу сложнее, чем жить в партизанском отряде в окружении своих же людей, говорить с ними о том, что думаешь, жить просто и бесхитростно, как к тому и привыкла Надя за свои девятнадцать лет. А тут надо было выполнять сложные поручения, никогда не зная, разоблачена ты или нет, и каждый шаг в коридоре принимая за шаги конвоя, который пришёл тебя арестовать.

Надя прощалась с Нюрой, и та на мгновение задержала её руку в своей:

— Помни, Надя, это всё равно, что вступить в армию. Человек, добровольцем вступивший в армию, а потом струсивший и отступивший без приказа,—дезертир. Таких расстреливают. Пощады им нет и быть не может. Тебя я знаю—ты не испугаешься, не побежишь обратно. Но сама ты уверена в себе?

— Да, — сказала Надя, — уверена.

Она пришла на завод, работала без перерыва, чтобы получить возможность потом, когда все будут на работе, уйти и спрятать гранаты, полученные у Нюры. Надя ещё не знала, кому их передать, для какой операции. Ей было сказано: «Спрячь получше. Надо будет — возьмём».

Надю нашёл на заднем дворе сторож из конторы. Он бежал ей навстречу и кричал:

— Надя! Надя! За вами приехали на машине из Берлина. Начальство. Двос. И Генрихс с ними. Требуют, говорят: «Найдите живую или мёртвую. Давайте сюда. Немедленно».

— На какой это машине из Берлина? — спросила Надя. — Кто приехал? Зачем?

Сторож подошёл ближе и зашептал доверительно: — Машина из Минска. А немцы приехали из Берлина. Важное что-то. Спрашивают вас. Всех разослали искать. Ждут там, отчего-то нервничают, сигары курят... — Он запнулся и потом, оглянувшись во все стороны, сказал совсем уже тихо: — Может, не пойдёте? Скажу — не нашёл. Всё чисто обыскивал — нету дивчины... А вы через забор и к лесу. А то кто их знает — зачем кличут.

Зачем? Об этом думала и Надя. Если арестовать, то разговоры будут короткими. Значит, бежать в лес? А что тогда? Заберут отца, мать, братишку Женьку. Перероят весь двор, найдут гранаты. Отца и мать убьют. А она прибежит к партизанам. Воевать, бороться? Нет. Спасаться.

— Надя, пойдёшь? — сторож тронул её за плечо. — Что задумалась?

— Пойду. Идём...

Немцы, действительно, нервничали. Экспедиция была ответственная, срочная. До войны недалеко от Смолевичей, в деревне Трубичино, началось строительство брикетного завода. И вот теперь, всего несколько дней назад, немецкому командованию стало известно, что будто бы при исследовании почвы в Трубичине была обнаружена нефть.

Для поездки в деревню Трубичино Генрих посоветовал взять Троян. Он объяснил приезжим инженерам, что девушка эта работает добросовестно, знает немецкий язык и будет незаменимой переводчицей.

Как только Надя подошла, ей приказали сесть в машину рядом с шофёром и тронулись в путь.

VI. ПАРТИЗАНСКИЙ ЛАГЕРЬ

Дорогой в Трубичино темой разговора немцев были партизаны. Генрихс жаловался приедем, говорил, что работать с каждым днём становится всё труднее и труднее.

Пришло время, которое, по расчётам немцев, должно было заморозить партизан. По несколько дней стояли морозы. Шуршавшие ли-

стья в лесу запорошило снегом. Вот и теперь, когда шла машина, вскочил с лёжки заяц и во весь свой заячий скок помчался наперерез: плохая примета. Только мелькнули уши зайца, и белые его штаны слились с белым покровом земли. Зима на пороге. А партизаны давали себя чувствовать всё больше и больше.

В начале зимы сорок первого года партизаны организовали в Минском районе четыре мастерских по ремонту и производству оружия.

Появились специалисты так называемой «сюрпризной» техники. Это была партизанская промышленность вооружения. Раскрыть её и уничтожить немцы не могли. Партизаном был народ, а победить народ невозможно. Случалось так: везёт крестьянин воз сена. Встречается немецкий патруль, проверяет документы. Всё в порядке: у крестьянина бумаги от старосты о том, что он везёт сено на приёмный пункт. Солдат, который держал лошадь, отпускает недоуздок, офицер командует: «Проезжай!» Крестьянин заворачивает в лес и одному ему известными путями добирается к партизанскому лагерю. Тут сбрасывается сено, выгружаются ящики с винтовками и гранатами, укрытые на дне телеги.

Крестьянин едет обратно, но теперь пропускают его, даже не останавливая: старый знакомый.

Обо всём этом Генрихс рассказывал приезжим немцам и жаловался: русский народ оказался трудным народом. Он добродушен и податлив только с виду. А в действительности настойчив и своенравен.

В Трубичине машину встретил староста. Он

так кланялся немцам, что клинообразная борода его чуть не касалась колен.

— Нефть? Нет, к сожалению, об этом только поговорили, но на поверке не нашли. А вот партизаны есть. Много... — И староста, хватая немцев за рукава, умолял не уезжать, выслушать, помочь, спасти.

Приезжие торопились. Узнав, что нет нефти, они считали свою миссию законченной. Нечего было терять время на пустую болтовню. Но Генрихс попросил их задержаться, выслушать старосту и приказал Наде переводить всё, что тот скажет.

Глаза и веки у старосты были красны, как у трахмного. — Это от бессонницы, — жаловался он. В каждом русском приходится подозревать партизана, а партизаны убивают всех, кто служит немцам. Староста просил для защиты прислать хоть нескольких солдат.

— Впрочем, — он безнадежно махнул рукой, — всё равно не поможет, убьют.

— Переведите, — сказал Генрихс Наде: — знает ли он, где партизаны? Поможет ли он нам разгромить их лагерь?

Решать надо было мгновенно. Генрихс выжидающе смотрел на Надю. Перевести точно, как сказал немец, или исказить его слова с тем, чтобы старик не выдал партизан? — думала Надя. И вспомнился приказ Нюры быть исполнительницей, слушать и сообщать.

Надя перевела слова Генрихса старику. Но немец не дал ему ответить:

— Вы сказали «стоянка». Я спрашивайль «лагерь». — Потом он спросил по-немецки: — Это одно и то же?

— Да, — ответила Надя.

— Я проверю по словарю, — сказал Генрихс. — Ну, скажите ему, пусть отвечает.

Староста затараторил угодливо и быстро: партизаны в восьми километрах от немецкого гарнизона. Он не может объяснить точно, но если карательный отряд захватит его с собой, найти их будет несложно. Лучше всего сразу, на месте, чтобы кто-нибудь не убежал и потом не убил его — старосту.

Пока старик говорил, Генрихс внимательно следил за выражением его лица и за Надей. Нетрудно было понять старосту, даже не зная русского языка, — слишком выразительны были его мимика и жесты. Надя всё в точности перевела Генрихсу. Он позвал шофёра и приказал дать старику пол-литра водки.

Когда садились в машину, староста поймал и поцеловал руку Генрихса, а приезжие немцы отдернули руки, и старику достались только полы их пальто.

На обратном пути немцы почти не разговаривали.

Тем же вечером Надя поехала на велосипеде к Нюре Косаревской. Нюра дежурила в больнице, и потому к партизанам был отправлен её брат Лёня. А утром, когда карательный отряд подошёл к лагерю партизан, там были только головешки от костров и ветки от разобранных шалашей.

Старосту партизаны расстреляли в тот же вечер.

Зима 1941 года выдалась суровой. Мороз ударил крепкий, строгий — в 35 градусов, а то бывало и того крепче. Тысячи партизан в белорусских лесах не могли оставаться на зиму небольшими, разрозненными отрядами. Тогда

был организован санный транспорт в тысячу повозок, мелкие отряды были объединены.

Теперь партизаны окрепли настолько, что смогли вступить в вооружённые столкновения с большими немецкими гарнизонами, занимать хутора и целые селения. Страх, который в эти первые месяцы зимы нагнали партизаны на немцев, был так велик, что гитлеровцы приняли вначале партизанские отряды за прорвавшиеся в тыл части Красной Армии.

«Генерал Зима», на которого надеялись немцы в своей борьбе с партизанами, на проверке оказался партизанским «генералом». Холода тяжелее переносили немецкие каратели, когда они, проваливаясь по пояс в снегу, рыскали по лесу в поисках неуловимых народных мстителей.

Немцы старались всячески скомпрометировать партизан. В Минске они открыли особую противопартизанскую школу. Основным в учебной программе этой школы был предмет, который назывался: «Меры по озлоблению населения против партизан». Лекторы из гестапо рекомендовали своим слушателям ограбления и поджоги деревень, убийства из-за угла крестьян, изнасилование женщин, убой скота и лошадей, мародёрство. Слушатели школы обучались проводить все эти операции так, чтобы население подозревало партизан и, упаси бог, не раскрыло истинного автора — провокационной группы гестапо. В этих же школах обучались собаки. При одном слове «партизан» они бросались на человека.

Партизанский отряд, который беспокоил старосту деревни Трубичино, объединял группу молодых рабочих из Минска.

Отличительной чертой этого маленького отряда была стремительность. Партизаны налетали, словно вихрь, проводили операции так быстро, что немцы не успевали опомниться, а ветер уж и следы партизан замёл. Позже, когда маленький отряд соединился с десантниками из Москвы и стал грозной силой, в окрестных деревнях этот отряд называли «Бурей». Так это имя и осталось за ним.

В первые дни формирования отряда у молодых партизан было всего несколько винтовок, два револьвера и... топоры. Плохая защита от автоматов и пулемётов немецкого карательного отряда.

Первой группе партизан из «Бури» спасла жизнь Надя Троян. И спасла-то она их за день до большого торжества. Дело в том, что молодые партизаны получили сообщение: из Москвы на самолётах выслана подмога. Прибудут люди опытные в военном деле, будут оружие, боеприпасы, продовольствие. Встречать подмогу там-то и там-то.

Своим предупреждением Надя сорвала экспедицию немцев, и партизаны встретили посланцев из Москвы. Прилетела подмога, отряд вырос и окреп. И первым желанием у молодых партизан было: увидеть девушку, которая их спасла.

— Ну, Надя, — сказала однажды Нюра. — Сбылась твоя мечта. Собирайся, пойдёшь к партизанам.

Надя обрадовалась — думала, что её берут совсем. Оказалось, только так, ненадолго, в гости. Но в то время с особенной силой хотелось Наде уйти в лес; не кланяться немцам на заводе, не видеть, как аккуратно каждое утро

выходит на крыльцо в тёплом свитере Генрих и бьёт по голой спине плёткой одного или нескольких рабочих. Генрих называл это утренней зарядкой. И действительно, если ему приносили только одного рабочего, Генрих, закончив порку, проделывал тут же на крыльце несколько гимнастических упражнений. Когда же провинившихся было несколько, он ограничивал свою «физкультуру» одной только поркой...

Придя в партизанский отряд, Надя заявила командиру:

— Я хочу быть такой, как все. Я хочу стрелять, взрывать, убивать и видеть результаты своей работы. И потом, не со всеми можно быть откровенной — не всем можно сказать, почему я там, а не в лесу. А вот вчера я хотела купить у бабки яблок. Она из деревни Трубичино, куда я ездила на машине с немцами. Бабка подняла голову, увидела меня, нагнулась, закрыла корзинку и как закричит: «Уходи, тебе не продам!»

Командир — высокий вихрастый парень с чубом, спускавшимся на лоб, — молча слушал Надю.

— Всё? — спросил он, когда Надя кончила говорить.

— Всё, товарищ начальник.

Надя и командир отряда подходили к землянкам, где расположился штаб отряда.

— Вы хотели видеть результаты вашей работы? Так я вас понял? — спросил командир Надю.

— Да.

— Так вот, Надя, результаты вашей работы, — сказал командир, показывая на ребят, которые сидели у костра. — Если бы вы не со-

общили о немцах, все эти ребята были бы убиты, потому что ни один из них не сдался бы немцам. Понятно?!

Потом они пошли обратно к опушке леса. Дорогой командир говорил:

— Вот вы упорно просились в отряд. Вы патриот. Вы ненавидите немцев и хотите уничтожить их. Правильно я говорю?

— Правильно, товарищ командир.

— Вы как думали, когда шли сюда: «Я буду добиваться одного — остаться в отряде, любой ценой»? Вот вы заявили мне: «Я хочу быть настоящей партизанкой. Я хочу взрывать мосты, я хочу бить фрицев из винтовки». Так вы решили?

— Так, товарищ командир. Правильно.

— Нет, неправильно. — Он остановился и стоял теперь перед Надей — большой, высокий, строгий. И Надя невольно выпрямилась, вытянула руки по швам, словно по команде «смирно».

— Неправильно вы думали, — сказал командир. — Слишком много было у вас «я». Нехорошая эта буква в нашем деле, и её надо забыть. Не «я хочу», а Родине нужно. Понятно?

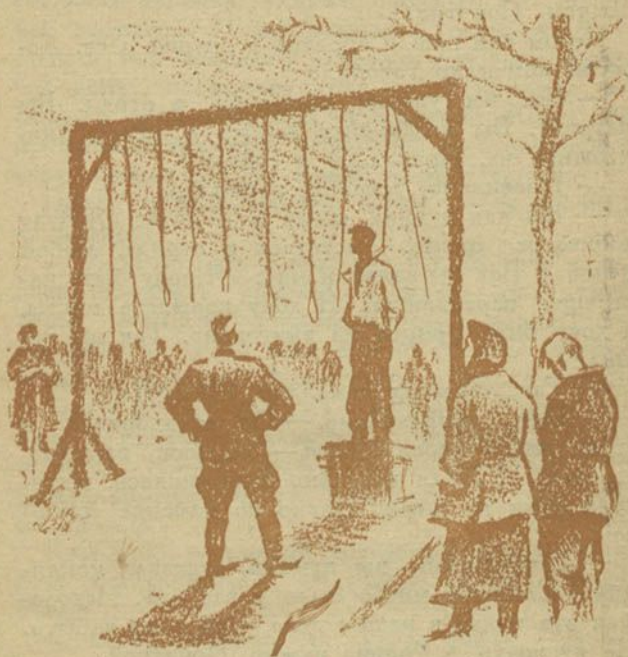
— Понятно, товарищ командир.

— Вот мы и пришли. Ну, Надя, будьте здоровы и веселы. — И он протянул ей большую, широкую руку.

VII. В ПОДПОЛЬЕ

Всё больше и больше людей группировалось вокруг Нади на торфяном заводе. Искусство познавать человека даётся не всем и не сразу. Надя постепенно научилась узнавать людей, чувствовала, когда слова служат только для того, чтобы скрыть мысли, или, как говорится: «На устах медок, а на сердце ледок».

В следующий приход Нади в отряд командир спросил её, сколько комсомольцев работает вместе с ней на торфяном заводе.

— Четырнадцать.

— Значит, можно организовать подпольный комитет комсомола. А ты, Надя, будешь секретарём.

Так на торфозаводе была создана подпольная комсомольская организация. За короткое время она выросла до двадцати человек. Собственно, трое из них были ещё пионерами — два Володи и один Геня. Но и они не хуже взрослых выполняли сложную и ответственную работу «тыловиков».

В это время в Белоруссии началась настоящая «рельсовая война». По приказу партизанского центра, в один день и час на все железные дороги, проходящие по территории Минской области, вышли партизаны и подорвали в течение одного часа рельсовые пути на основных магистралях. Все дороги, связывающие оккупированную территорию с Германией, были надолго выведены из строя.

Немцы в каждом русском и белорусе подозревали партизана. Особенно плохо приходилось семьям, где были мужчины. Полицейские приказывали старостам лишать эти семьи и без того скудного хлебного пайка. За партизанами началась слежка. Труднее стало им выходить из леса, навещать родных. Многие партизанские семьи стали голодать. Работоспособные ушли в лес, а старики и дети голодали.

— Знаете вы об этом, товарищи? — спросила Надя комсомольцев на первом собрании подпольной организации. — Можете ли с этим мириться?.. Правильно мне говорят: не можем ми-

риться. И я тоже так думаю. Партизанским семьям надо помочь.

Но тут возник вопрос о конспирации. Поможешь той или другой семье, и какая-нибудь бабушка скажет: «Вот помогли, сердешные. Не оставили без куса, старую». А её спросят: «Кто помог?» Разве можно положиться на всех? Не подумавши, выдадут.

— Значит, — сказала Надя, — помогать будем строго секретно. Ни одна семья, ни один человек не должен знать, от кого помощь, кто принёс.

— Мы понесём! — вызвались пионеры.

Так и решили. На первом же собрании постановили все средства комсомольского коллектива от членских взносов отдать в фонд помощи партизанским семьям. Но это было только начало. Каждый комсомолец принёс из дому что мог. Всё было расфасовано по пакетам. А ночью два Володи и один Геня скрытно подбросили пакеты-подарки всем партизанским семьям на торфозаводе.

Всё чаще и чаще приходили к Наде люди проситься к партизанам. Надя вспоминала уроки, которые сама прошла у Нюры Косаревской. Не сразу направляла она человека к партизанам. Только проверив, искренен ли, надёжен ли, Надя провозжала его в лес.

— Помните, — говорила она новичкам, — партизанская жизнь требует: «Убей врага, иначе сам будешь убит». Трус убегает от смерти, повернув к ней спину, и смерть настигнет его. Если же не испугаешься смерти — победишь её. А струсил — не надейся вернуться из леса.

Каждый раз, когда Надя бывала в отряде, командир напоминал ей об осторожности в под-

боре людей. Но и сама она не забывала об этой заповеди.

Трудно было поверить, что русский человек может оказаться предателем. Это бывало редко, очень редко. Но недаром пословица говорит: «Сто друзей — мало, один враг — много». Партизаны должны были всегда помнить об этом. Отступление от этого правила приводило к жестокой расплате. Так случилось с молодым командиром только что организованного партизанского отряда товарищем В. Он не мог себе представить, чтобы человек — не немец — был предателем. В. доверчиво принимал в отряд, не всегда достаточно тщательно проверял людей.

И вот среди партизан оказался специально подосланный немцами шпион. Он выдал место расположения отряда. Каратели нагрянули, как обычно, вооружённые пулемётами, лёгкой артиллерией и танкетками в количестве, вдесятеро большем, чем было у партизан. Немало партизан погибло в этом неравном бою, и девять раненых попали в плен к немцам.

Когда Надя вернулась домой с работы, она застала у себя девушку, растрёпанную, со сбившимся на плечи платком. Девушка бросилась навстречу Наде, схватила её за руку.

Это была Мальвина — молодая торфяница, недавно принятая в организацию.

Слух бежит — снежный ком катится. Пока Мальвина добежала к Наде, весть о несчастье искажилась и разбухла. Захватили, дескать, всю партизанскую деревню. Ведут пленных. Карательные отряды пошли прочёсывать леса.

— Теперь всем нам крышка. Расстреляют! — со слезами в голосе говорила Мальвина.

Надя заперла дверь, подошла к своей кро-

вати, откинула матрац, щёлкнула затвором автоматического пистолета и резко повернулась.

— Крышка?! Это ещё бабушка надвое гадала! Расстреляют — это ты угадала. Я тебя, гадина, расстреляю.

Мальвина подбежала к Наде, заплакала.

— Пусти! — оттолкнула её Надя. — Панику наводить будешь, народ баламутить.

— Прости, Надечка, — всхлипывая и запинаясь, молила девушка. — Не буду. Ей-богу, не буду. — Она посмотрела в окно, вскрикнула и повернулась к Наде:

— Надя, сюда идут! — Мальвина говорила тихо, почти шопотом. Чувствовалось, что она всеми силами старается побороть страх.

По направлению к дому, где жили Троян, шли двое полицейских. Вечером полицейские, обходя квартиры, предупреждали, что завтра к определённом часу всё население должно быть на площади.

А утром жители Смолевичей слышали стук топоров. Немецкие солдаты строили на площади виселицу. Когда виселица была готова, на место казни начали сгонять смолевичан. Люди шли медленно, но сзади и с боков их подгоняли, помахивая прикладами, выдвигая широкие штыки, немецкие солдаты.

— Шнеллер! Шнеллер! — кричали они.

Палач, сбросив шинель, попробовал крепость верёвки, натянув её рывком двумя руками. Привели арестованных. Итти могли из девяти юношей только трое, остальных немцы волокли. Но все партизаны держались гордо, с достоинством.

Солдаты замкнулись в две цепи. Одна окружала виселицу, другая — людей, которых со-

гнали смотреть казнь. Сквозь этот круг пропустили Генрихса. Он подошёл к Наде, стал рядом, покачал головой.

— Какое несчастье, фрейлен Надья. Молодые, здоровые ребята и такой мучительный смерть. Шалко?

Надя молчала.

Вот уже первому из партизан палач надел на шею верёвку. Стало тихо, так тихо, что слышно было, как скрипят от ветра сосны — чуть-чуть... И вдруг, словно лопнула тишина...

— Товарищи! Нас больше! Наше дело правое! Придёт время — мы повесим их всех до одного...

Палач выбил ящик из-под ног партизана, и юноша умолк.

К виселице подвели остальных. И каждый из них, кто был в сознании, кто ещё мог говорить, выкрикнул в лицо палачам всю ненависть и презренье, которое сделало этих ребят грозными мстителями, победило в них страх и родило презренье к смерти.

Генрихс стоял рядом с Надей.

— Ну, как, фрейлен Надья, вам не страшно смотреть на повешенье ваших товарищей?

Надя молчала. Генрихс продолжал, коверкая русские слова:

— Сердце щемит. Слезы льюца? — И вдруг выкрикнул громко по-немецки: — Почему вы молчите? Почему не плачете? Почему? Почему? — Генрихс подбирал слова, злился, шипел, забыл, что хотел сказать, и от этого ещё больше злился. А ведь как ловко он придумал всё дома! Какие там были точные и хитрые слова. Как аккуратно всё было распределено, предусмотрено. Он ведь давно подозревал Надю.

Смущала его только её исполнительность и то, что против девушки не было прямых улик. Иногда Надя казалась Генрихсу какой-то очень русской. Это было необъяснимо — необъяснимо самому себе. Такая не могла предавать свой народ, не могла быть в стороне от партизан, от всех тех русских людей, которые и взглядами и чувствами ненавидели немцев. Но вот Генрихс приходил в контору и видел Надю за столом, над тетрадкой с ровными, как солдаты на смотре, рядами цифр. Надя поднималась с места и, чуть наклонив голову, спрашивала по-немецки:

— Вам что-нибудь угодно, господин Генрихс?

Нет, она никогда не была подобострастной. Всегда одинаково ровная, гордая, независимая, но исполнительная.

Генрихс пробовал следить за Надей. Но это не дало никакого результата. Пытался ухаживать. Нет, такая девушка не податлива на ухаживанья.

Но вот случилась большая удача. Разгром партизанского отряда. Девять раненых в плену. Генрихс сам присутствует на допросе. О, этот молодой офицер из гестапо, который допрашивал партизан, был знатоком своего дела. Из мальчиков вытекла вся кровь. Её — эту партизанскую кровь — выгнали немцы из-под содранных ногтей, она просочилась сквозь лопнувшую под плетью кожу, шла горлом, из носа, ушей.

— Знаете Надю Троян?

Сотни раз задавали этот вопрос пленным партизанам, обещая стакан воды, потом бинты на раны и даже свободу.

— Нет! — отвечали партизаны.

И молодой гестаповец напоследок сказал Генрихсу:

— Чорт их знает. Наверно девушку в самом деле не знают. Не все же партизаны...

Но сомнение грызло Генрихса. И он решил проверить свои опасения во время казни. Вот полчаса простоял он рядом с Надей. И опять ничего не добился. А ведь всё приготовлено было заранее. И с молодым офицером из гестапо было договорено. Если Надя во время казни выдаст себя одним только словом, жестом, слезой, солдаты по приказу Генрихса арестуют её. С этим мешкать нельзя. Если она связана с партизанами, то дорогу к ним в лес знает отлично. И тогда ищи ветра в поле.

Но вот — сорвалось. Молчит Надя, не плачет. Вон женщины плачут, и мужчина в тулупе украдкой вытер рукавом глаза... А эта стоит — хоть бы что... Молчит...

Разомкнулась цепь. Боясь обернуться, пошли люди по домам.

— До свиданья, господин Генрихс.

— До свиданья, фрейлен Надья!

Ушла. Но ничего. У немца есть запасной ход. Так сказать, обеспеченный тыл. Всё предусмотрено... И если не удастся тут... во время казни (Генрихс допускал и это), то потом...

Генрихс пошёл на завод. В его кабинете сидел унтер-офицер.

— Где солдаты? — спросил Генрихс.

— Здесь, по ту сторону дома.

— Молодец. Правильно. Скоро пойдём за девчонкой.

Расчёт был прост. Надя может сдержаться себя во время казни, не подать вида, когда рядом стоит Генрихс. Но вечером, уйдя домой, остав-

шись одна (он знал, что родители Нади в тот день были в Минске), она даст волю своим слезам. Надо только выждать час-другой. Много не надо. Две слезы — только две, по одной в каждом глазу. И тогда Надю можно будет отправить в гестапо. А там она заговорит. Правда, у этих девяти ничего не удалось добиться. Но ведь они мужчины, пусть молодые, но всё-таки мужчины. А девушки — это другое дело...

Размышления Генрикса были прерваны стрельбой. Несколько выстрелов, один за другим. Потом хлестнула автоматная очередь, ухнула граната. И снова выстрелы. Теперь частые, но где-то дальше.

Унтер-офицер выбежал во двор. Генрикс подождал несколько секунд, выглянул в дверь и, удостоверившись, что на улице спокойно, а выстрелы слышны уже издалека, тоже вышел с пистолетом в вытянутой руке.

А вот и Надя. Её ведёт под руку унтер-офицер. Надя плачет. Да, плачет, ничуть не скрывая своего горя. Плечи её дрожат, и вся она сгорбилась, словно несчастье придавило её, пригнуло.

На улице тихо. И выстрелов нет. Только вдалеке, шаря фонарями темноту, идут четыре солдата, и по тому, как несут автоматы, видно, что они у них недавно работали.

— Плашите?! Фрейлен Надья, вы плашите! — Он говорит по-русски, желая, видимо, этим выразить особенное сочувствие.

— Плашите, бедная девочка. Померли ваши ребята. Померли. Ах, партизан, партизан...

— Да, партизаны, — повторила Надя.

Тут только Генрихс увидел, что Надя одета как-то необычно. На ней было новое шёлковое платье, разорванное в нескольких местах, модные туфли на высоком каблуке, шёлковые чулки. Днём — Генрихс хорошо это помнил — Надя была одета по-другому, как обычно.

Солдаты подошли к унтер-офицеру и доложили: догнать партизан невозможно, они ускакали в лес на телегах. Всех раненых забрали с собой. Только кровь осталась на дороге до того места, где разветвляется шоссе. А там — никаких следов...

Надя продолжала плакать. Но Генрихс уже не думал о том, чтобы поймать её. Нет, весь вид девушки — разорванное платье, кровь на щеке — всё говорило о чём-то другом, новом, неожиданном.

— Что с вами, фрейлен? — тихо спросил Генрихс. Они подошли к плетню из неободранной берёзки и с такой же плетневой завалинкой. Генрихс усадил Надю и повторил:

— Что с вами, фрейлен? Что совершилось?

Но Наде, видимо, было не до рассказов. Она была слишком потрясена и расстроена. Рассказал за неё унтер. Только что в Смолевичах были партизаны. Они, как буря, налетели на окраину местечка, окружили дом, где Надя со своими друзьями, такими же молодыми ребятами, веселилась на вечеринке, хотели убить Надю, но, к счастью, только слегка ранили. Партизаны бросили гранату, ранили ещё несколько молодых рабочих и, захватив их с собой, умчались в лес.

Унтер-офицер был расстроен.

— Нет, вы только подумайте, какая наглость: врыватья в местечко, выкрадывать честных мо-

лодых людей. Счастье этих партизан, что они не налетели несколько часов раньше, когда тут был караул во время казни. Завтра и эти тоже висели бы на площади.

Генрихс рассеянно слушал болтовню унтера. Он был доволен: Надя не связана с партизанами. Теперь это ясно. В день казни она устроила вечеринку. И ей, конечно, тоже мстят партизаны.

— Фрейлен Надья. Не надо плакать. Партизаны — временное явление. Великая Германия — это навечно. Вы правильно выбрали ваш путь. Я рад, что ещё раз убедился в вашей верности правильному делу. Вот вы и не плачете теперь.

— Да, — Надя поднялась. — Я тоже рада этому. Нет, нет, не надо руки. Я хочу побыть одна. Я пойду домой. До свиданья, герр Генрихс.

Надя ушла.

Дома — тишина. Только размеренное тиканье ходиков да ветер за окном. И чудятся Наде слова партизанской песни:

«Если вражеской пули оса
Срежет жизнь мне, не плачь по селу.
Есть кому в белорусских лесах
Бить фашистов в глубоком тылу».

Наверно, сейчас эту песню, как клятву, поют в отряде, куда уже прибыло новое пополнение партизан. Счастливицы: они уже срывают галстуки, а девушки — шелковые косынки, всю маскировку. Надевают партизанские гимнастёрки, сидят в землянке, тесно прижавшись друг к другу, жарят барана, кровью которого измазали избу, дорогу и щеку Наде.

Надя падает головой на кровать, и тут прорываются слезы. Она плачет оттого, что ей невыносимо трудно, страшно и больно.

Неужели всем, кто работает в тылу у немцев, так мучительно трудно, так ужасно, так тяжело? Ведь это только один день: виселица, Генрихс, который шпионил за каждой морщинкой на её лице, за ресницами, за глазами. А потом эта вечеринка, которую она придумала, чтобы спасти семьи ребят, ушедших в отряд мстить за погибших товарищей. Она плясала на вечеринке, а хотелось плакать. Пела, а рыданья перехватывали горло...

«Нет, — думала Надя, — я не могу больше. Ещё одного такого испытания я не выдержу. Завтра пойду в отряд, попрошусь, буду плакать, умолять. Меня возьмут в лес, меня должны взять. Ведь дают же смену часовым. И меня сменят». И, думая так, она заснула, как была, — в разодранном платье и в туфлях на высоких каблуках.

VIII. ЗАПОВЕДЬ О ДОБЛЕСТИ

Скажите, тут продаётся зеркальный шкаф?

Надя стояла у чуть приоткрытой двери и вот уже третий раз задавала один и тот же вопрос. Дверь не отворялась, но женщина, которая была по ту сторону, в квартире, не захлопывала её. Женщина просто молча смотрела на Надю в щёлку.

— Скажите, тут продаётся зеркальный шкаф? — в четвёртый раз негромко, почти шо-

потом спросила Надя. И снова молчание. Надя сжимала пальцы так, что ногти впивались в ладонь. «Зеркальный шкаф» — это она помнила отлично. Командир передал ей этот пароль в день первого свиданья: «Если что случится, если что нужно будет, — вот пароль. Пойдёте по этому адресу в Минск и поговорите с хозяином «зеркального шкафа»».

— Понятно, — сказала тогда Надя. Но после этого столько ещё было сказано, и всё это пришлось запоминать, заучивать, подолгу хранить в памяти. А пароль забылся. Ведь «зеркальный шкаф» — только половина пароля. Но что ещё? Что ещё?

Дверь медленно надвинулась на Надю и захлопнулась.

По лестнице поднимались два немца. Один в котелке, с сигарой во рту — точь в точь, как рисовали буржуев, рыхлый и женоподобный. Другой — военный. Немцы оглядели Надю с головы до ног и поднялись этажом выше. Надя слышала, как наверху за ними захлопнулась дверь. И вдруг вспомнила пароль. Повернула звонок. Молчание. Ещё и ещё раз. «Нет, теперь не откроют», — подумала Надя. И вслед за этим послышались шаги.

— Кто там? — раздалось из-за двери.

— Это я. К тётке Лёле. У неё, говорят, продаётся зеркальный шкаф.

Дверь открылась. Перед Надей стояла женщина в платке. Она внимательно сглядывала девушку.

— Тётя Лёля — я. Но хозяина зеркального шкафа нет дома.

— Я знаю, я знаю, — поспешно сказала Надя. — Я могу подождать его.

— Заходите.

Женщина пошла вперёд, ведя Надю полутёмным коридором.

— Подождите тут, — сказала она у двери и проскользнула в комнату. Через минуту она вышла и пригласила Надю войти.

— Только самого хозяина шкафа нет, — сказала женщина. — Вы поговорите с его другом.

В большой комнате никого не было — так показалось Наде.

В углу за шкафом на тахте лежал человек. Бледное лицо сливалось с подушкой.

— Вы зачем пришли? — спросил он Надю.

Надя молчала.

— Дело есть? Говорите, не стесняйтесь.

Человек приподнялся на локте, но тут же упал на подушку и тихо, чуть слышно застонал.

— Ну, что же вы молчите? Пришли, забыли пароль, опять пришли, а теперь молчите, как на допросе. Тут не гестапо.

Он помолчал. Потом тихо, совсем другим голосом, спросил:

— Вас тоже пригнали туда, на площадь, в Смолевичи на казнь?

— Да, — чуть слышно произнесла Надя.

— Вот это были люди! Такие стояли на смерть под Москвой и не пустили немца. Такие прогнали его обратно.

Человек перевёл дыхание. Ему, видимо, было очень трудно говорить.

— Про Таню слышали? Про Зою Космодемьянскую?

— Нет.

— Нате, — он вытянул из-под подушки брошюру с изображением пламени на обложке. —

Прочтёте дома. Куда же вы её кладёте? Вытащите платок — уроните брошюру... Ну вот что, вы, я вижу, неразговорчивая. Бог с вами. А что пришли — хорошо. Дело есть!

Он опять замолчал, тяжело переводя дыхание. Тут только Надя увидела за раскрытым воротом бурый от крови бинт.

— Вы ранены? — спросила она.

— Ничего, — сказал он. — Через два дня поправлюсь. Придвиньтесь ближе. Вот так. Слушайте и запоминайте. Этому вы уже научились?

— Научилась. Хотя вот пароль...—Надя почувствовала, как стыдом загорелись её щёки.

Человек говорил медленно, как диктуя. Названия и числа он повторял дважды. Слова входили накрепко.

Приближался большой праздник. В Смолевици должны были приехать крупные генералы из Минска. Наде поручалось разведать все подробности, чтобы определить возможность взорвать клуб, где будет банкет.

Проинструктировав Надю подробно, человек спросил:

— Всё понятно?

— Всё.

— Но это ещё не конец. У вас на заводе выдают ночные пропуска. Постарайтесь получить работу там, где их выписывают. Мы сообщим вам фамилии людей, которых при помощи этих пропусков можно будет спасти из концентрационного лагеря. Поняли?

— Поняла.

— Ну, теперь всё. — Он откинулся на подушку.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила Надя.

— Нет, благодарю. Меня лечат... Так вы не скажете, зачем пришли?

— Если разрешите, не скажу.

— Это ваше дело... Вам трудно работать, Надя?

— Я хотела попроситься в отряд. Но теперь я вижу, что и в Смолевичах работы много.

— Нет, вы не отвечаете на вопрос. Хотя это и есть ответ. Вам тяжело было смотреть, как казнят ваших товарищей, и потому вы решили проситься в отряд. Вам надо поучиться у тех девяти. Вы видели, как они умирали?

— Видела.

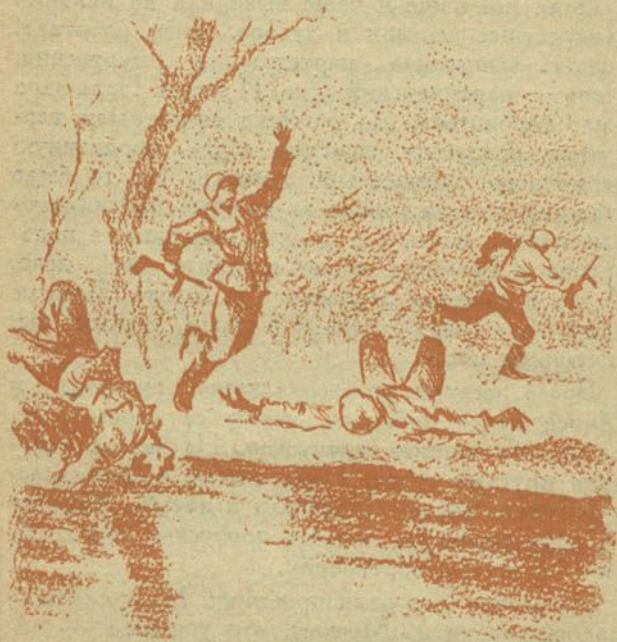
— Это война. И помните, товарищ Надя, вы солдат. А первое достоинство солдата — полное и беспрекословное подчинение командиру. Поняли?

— Поняла.

— Идите, Надя. Желаю успеха... — Он вынул руку из-под одеяла, но протянуть её не мог. Надя нагнулась, пожала бледную, худую, холодную руку и ушла.

IX. ПЕРВЫЙ БОЙ

Хозяевами своей земли становились народные мстители. Теперь в лесу не только издавались газеты и журналы. Появилось и кино. Партизаны ездили по деревням с кинопередвижкой, демонстрировали крестьянам наши советские кинофильмы, рассказывали о том, что делается на Большой земле. Партизаны проникали всюду, поймать их, истре-

бить, уничтожить было невозможно. Их было много тысяч.

Надя всё чаще и чаще выходила на задания в окрестные деревни и хутора. Днём работала, ночью выполняла партизанские поручения. Ночь — партизанский день. И всегда Наде надо было торопиться. До рассвета обязательно вернуться, раздеться, спрятать обувь, изодранную от ночного путешествия, поспать. Не то было страшно, что на заводе за каждую провинность наказывали плетью, а то, что закравшееся подозрение у Генрикса может погубить всё дело. А там и до петли недалеко. Где только Надю не поджидала смерть! Иногда в самом, казалось бы, спокойном месте.

После поездки за «зеркальным шкафом» в Минск Надя добилась, чтобы её перевели на работу по выписке пропусков. На заводе работали круглые сутки. Надя имела в своём распоряжении бланки, штампеля и печати. Выписав за день несколько лишних пропусков, она относала их ночью партизанам.

На заводе был радиоприёмник. Надя слушала радиопередачи из Москвы, что успевала — записывала и передавала ребятам из комсомольской организации.

Однажды за этим занятием её застал Генрикс.

— Вы слушаете русскую передачу? — удивлённо спросил он.

— Ну и что же? Я слушаю Смоленск.

Генрикс направился к Наде, но при её последних словах остановился. Смоленск был в руках у немцев, и слушать Смоленск разрешалось.

Только одно мгновенье постоял Генрихс и решительно пошёл к Наде. Он сделал три шага, ему осталось ещё столько. Надя сидела не двигаясь. Руки её были на коленях. Рупор передавал сводку Советского Информбюро. Наде нельзя было сделать ни малейшего движения к приёмнику. Этим она выдала бы себя.

Генрихс шёл к ней.

И вдруг рупор закрипел, затрещали разряды. В один миг Надя протянула руку и резко повернула рычаг. Писк и завывание, как ветер в трубе, вылетали из рупора.

Рука Генрихса легла на надину руку.

— Фрейлен слушала Смоленск? Посмотрим.— Генрихс прищурился и нагнулся к приёмнику, поворачивая рычажки. Деление, деление, ещё деление. Сейчас будет Смоленск. Что, если там передают музыку или что-либо на немецком языке? Обман станет очевидным.

Так. Нашёл. Стрелка рычажка остановилась на делении. Мужской голос читает. По-русски. Сводка германского командования. Военные термины, самолёты, танки.

Генрихс отошёл.

— Слушайте дальше, фрейлен Надья. Эта сводка — наши победы...

* * *

Ночью Надя с комсомолкой Шурой Боровской отправилась в отряд. Слишком много патронов и гранат было припрятано в квартире Троян. Если Генрихс сегодня утром действительно заподозрил Надю и вздумает ночью устроить обыск, всё будет раскрыто.

На следующий день, как только стемнело, к крыльцу квартиры Троян подали сани. Надя и

Шура повязались платками, как крестьянки, и вдвоём поехали в лес. Поклажа была опасная: противотанковые гранаты и длинные ящики с патронами. Сверху всё это было закидано хворостом.

На дороге — в полукилометре от леса — распряглась лошадь. Пустое, казалось бы, приключение. Затянуть ремешки, завязать и ехать дальше. Но как их затянуть, как завязать? И Надя, и Шура — девушки городские, запрягать и распрягать не умели. И так пробовали и этак — ничего не выходило. Лошадь мотала головой, переступала копытами, и кончилось тем, что оглобли совсем упали на землю. И тут, как назло, из-за туч показалась луна — большая, круглая, как в театре на декорации. И светло стало, каждая ветка на виду.

Девушки работали молча: завязывали постромки, развязывали, продевали, затягивали. Руки заоченели от мороза, но ничего не выходило.

Первой заговорила Шура.

— Тут патрули ездят?

— Да, — сказала Надя.

— Когда?

— После часа. К утру поближе.

— А сейчас сколько?

Надя посмотрела на часы.

— Четверть второго.

Девушка задумалась. Что делать? Бежать в деревню, просить помощи? На это уйдёт час-полтора. А к этому времени патруль наткнётся на сани с гранатами, чуть прикрытыми хворостом. Откуда повозка — будет нетрудно выяснить. А уж на Торфяном заводе концы най-

дутся. И потом, если бежать в деревню, кто ещё встретится там? Хорошо, если свой. А если чужой, если предатель? Голова Нади, повязанная платочком, не обманет. Сразу же разгадают городскую девушку. Да ведь крестьянская и не стала бы просить помощи запрячь лошадь. Нет, в деревню бежать нельзя. Но самим выйти из беды никак не удаётся.

Подходило время, когда обычно появлялся на дороге патруль. Сейчас, казалось, подскочет к девушкам:

— Кто такие? Что везёте? Почему ночью едете в лес?

— Надя, — тихо сказала Шура, — вон бабка идёт.

Освещённая луной, сгорбившаяся, с длинным посохом, шла по краю дороги старуха.

Так бывает в сказках. Так же бывает и в жизни.

Кликнули бабку, попросили помочь, в две минуты запрягли коня, какой-то ничтожный узелок завязали на постромках. А вот и цоканье по промёрзлой земле. Но теперь не страшно, сани мгновенно съехали с дороги. А когда пронесло патруль, продолжали свой путь в лес.

Вернувшись домой, Надя подумала об иммунитете. Бывает иммунитет от болезни. Переболев человек какой-либо болезнью один раз, и потом эта болезнь ему не опасна. Так и страх. Многому научилась Надя в своей партизанской жизни. Но больше всего она радовалась иммунитету от страха.

Пришло время, когда довелось проверить себя: испытать вооружённую встречу с немцами, бой, услышать, как свистят пули, увидеть, как

мушка винтовки закрывает лицо врага и в следующий миг враг этот падает, сражённый.

Знаете ли вы чувство абсолютной собранности, когда и походка становится какой-то легкой, и поступь увереннее, твёрже, и в голове всё ясно, и появляется вера в будущее и радость за сегодняшнее? В такое время хочется петь, дышится глубоко — и воздух словно ключевая вода в жаркий день.

Надя испытала это чувство во время первого боя.

Красная Армия наступала и подходила уже к самым границам Белоруссии. Партизанский журнал «За советскую Родину», который Надя приносила из леса и раздавала на Торфяном заводе, напечатал стихи «Слушай, Белоруссия»:

Слушай, Белоруссия,
Витебск, Могилёв,
Громы артиллерии,
Гул стальных шагов.

Слушайте, колхозные
Хаты и поля,
К нашим межам Армия
Красная пришла.

Слушай, Белоруссия,
Боевой поход,
Это счастье движется,
Это жизнь идет!

Немцы чувствовали приближение конца и потому свирепствовали пуще прежнего. У крестьян забирали скот, хлеб и другие продукты.

Комсомольцы посещали деревни, рассказывали о положении на фронтах, помогали, чем могли, крестьянам. И первым вопросом крестьян обычно было:

— А где товарищ Сталин?

Этот же вопрос задала Наде старуха-колхозница, в избе которой комсомольцы собирались сход.

— Два года маемся, — жаловалась старуха. — На своей земле живём, а прячемся, как воры какие. Зерно прячем, скотину прячем, жизнь бы свою спрятали от ирода. Да разве спрячешь? Товарищ Сталин знает ли про то?

— Знает, бабушка, знает, — сказала Надя, достала из-за пазухи листовку и прочла:

«Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестёр».

Старуха слушала и, покачивая головой, приговаривала:

— Правильно, ох, как правильно!

А узнав, что это слова товарища Сталина из его речи, недавно произнесённой в Москве на заседании Московского Совета, радостно воскликнула: «Ну, значит, он всё знает, обо всём весть имеет. Значит, на всё срок поставил. Когда сил наберётся, прикажет маршалам своим и солдатам своим гнать немца до самого что ни на есть Берлина, и будет нам освобождение».

Старуха перекрестилась на образа, поклонилась Наде и пошла созывать народ.

В этом селе крестьяне во время приближения немцев перебирались на середину реки Березины, на остров. Тут прятали зерно, продукты и

скот. На острове понастроили шалашей, замаскировали их ветками. Так остров и назывался: «Семейный лагерь».

Но надвигалась беда. Немцы узнали о хитрости крестьян, и прошёл слух, что нагрянет карательная экспедиция, разгромит «семейный лагерь».

Надя приплыла на остров с небольшой группой партизан. В двух лодках было двадцать человек, большинство молодые ребята. Партизаны решили на месте обследовать положение и, чем возможно, помочь крестьянам. Ясно было, что остров — укрытие плохое и надо помочь людям добраться в лесной лагерь. Но, когда партизаны отправились в обратный путь, прибежали ребята из деревни и сообщили, что идут немцы.

Вот тут-то и возникла задача: уйти ли на лодках, или остаться и вступить в бой? По сравнению с немцами, силы партизан были ничтожными. На двадцать человек приходилось два пулемёта, причём один тяжёлый танковый, и два автомата. Немцев было более тридцати человек, и все отлично вооружены.

Но разве можно отступить партизанам, бросив на произвол судьбы, на издевательства и муки наших людей? Обмануть лучшие надежды этих людей?

И решили принять бой.

У партизан был отличный пулемётчик (до войны слесарь, а в лесу — оружейный мастер, искусник). Звали его Саша. Был он первым номером на тяжёлом танковом пулемёте, а Надя — вторым. Обучалась она обращаться с оружием ещё в Москве, в институте. Партизаны лежали,

замаскировавшись на одном берегу реки, и видели, как по другому берегу шли немцы. Шли цепочкой, во весь рост, автоматы у бедра.

Надя смотрела на командира партизанского отряда. Он лежал в трёх шагах от неё. Вот командир, опершись на локоть, чуть приподнялся, невысоко, но резко взмахнул рукой, словно топором ударил. И сразу же застучал сашин пулемёт.

Так, наверно, косят бурьян. Ж-жиг — пролетает серебряная коса, и трава падает, умирает, освобождая землю.

Перебирая двумя руками, Надя подавала ленту. Дрожал пулемёт. Казалось, горячий конь рвётся в руках у Саши, а он, словно ездок, сдерживает его порыв, направляет по прямой дороге.

Сколько немцев скопил пулемёт? Трудно сказать. Живые легли рядом с мёртвыми.

— Надя, гранаты! — прошептал командир. Надя приподнялась, и на мгновение вспомнились Москва, большой университетский двор, военрук в шинели без петлиц, в парусиновых сапогах. Надя лежит на примятой траве, а рядом подружки — первокурсницы. И та же команда: «Троян, гранату!»

Посмотрела вперёд, чуть прищурилась и рывком бросила гранату туда, где тёмные шинели горбились в пожухлой траве.

Взлетела земля в дыму, куски шинелей и немцев.

По партизанской цепи пронеслась команда:

— Отползай по-одному.

И спустя немного:

— Пулемётчики — первый и второй номер — сдерживают своим пулемётом неприятеля.

— Ну, Надя, судьба, — тихо сказал Саша. — Тебе не страшно?

Надя понимала, что значит пулемёт прикрытия. Ребята уйдут. А она и Саша будут сдерживать немцев. Кончится диск... Последнюю гранату оставит для себя и Саши.

— Не страшно? — переспросил Саша.

— Да, страх? — Надя словно вспомнила о чем-то давно позабытом. Страх остался там — на дороге, залитой лунным светом, у лошади, которая стучала копытом по упавшей оглобле. Страх и досада на свою беспомощность. А тут — бой. И казалось Наде, что не она лежит в двадцати метрах от немцев, а кто-то другой. И она, Надя, смотрит на эту другую девушку — смелую и бесстрашную. Смотрит и радуется: хорошо бьёшься, правильно, молодец!

Отошли партизаны, и забил немецкий пулемёт. Не один, а два. И справа и слева гранаты подняли разрыхлённую землю.

Короткой очередью отвечал Саша, а потом, распластавшись, как лягушка, перетягивал вместе с Надей тяжёлый и горячий пулемёт за другой куст. И снова стрелял и снова перетягивал.

А на старое место переползала Надя и, когда работал пулемёт, стреляла из автомата.

Когда немцы, решив, видимо, что овладеть островом невозможно, ушли, Саша и Надя закопали в приметном месте оружие и успели догнать своих.

В этот день Наде всё-таки довелось испытать страх.

Партизаны плыли обратно в лагерь на лодках. Надя хотела перейти с одной скамьи на другую, но потеряла равновесие, навалилась на борт, и лодка перевернулась. Через плечо у Нади был пулемётный диск. Она не успела его сбросить и камнем пошла на дно. Вот когда страшно было.

Товарищи спасли Надю.

Потом вытащили на берег лодку, вылили воду, достали со дна всё оружие, даже топор, и отправились дальше.

Х. БОЛЕЗНЬ КОМАНДИРА

Немцы обрушились на партизан скорее, чем этого можно было ожидать. Немцы торопились: Красная Армия вступила на белорусскую землю — шло возмездие. Для оккупантов приближалось начало конца. В эти радостные дни 1943 года Надя составила короткую листовку, которую расклеивали в Минской области, передавали из рук в руки. В этой листовке была только одна фраза из учебника истории:

«Наполеон привёл в Россию около шестисот тысяч солдат, а вывел обратно только тридцать тысяч человек».

Как бесновались немцы, обнаружив это грозное напоминание! Какой счастливый фриц мог рассчитывать попасть в эти пять процентов?!

Всё чаще и чаще вызывали Надю из конторы. Приезжало начальство из Минска, отправлялось в соседние деревни наводить справки о партизанах. Надю брали переводчицей. Однажды она решила воспользоваться удобным случаем и захватила с собой чемоданчик с листовками. Когда машина тронулась, немецкий офицер спросил: «Что вы везёте?!»

— Продукты, — сказала Надя. — Это мама обо мне позаботилась.

— Хорошая у вас мама. — Больше офицер не расспрашивал Надю.

В той же деревне, где немцы искали крестьян, связанных с партизанами, Надя через связного передала листовки и обратно ехала уже с пустым чемоданчиком.

— Ветерок разросся в бурю, — говорили между собой комсомольцы из подпольной организации Торфяного завода. Давно ли Надя спасла небольшую группу минских ребят, не обученных военному делу, плохо вооружённых. Из этого ядра и была создана «Буря». Теперь на текущем счету этого комсомольско-молодёжного партизанского отряда было 33 одних только уничтоженных немецких эшелона с живой силой и техникой. А сколько мостов взорвали комсомольцы, сколько забрали обозов, убили гитлеровцев в открытом бою, как тогда у «семейного лагеря» на Березине!

Покидая партизанский отряд, Надя получила задание в ближайшие дни доставить партизанам боеприпасы и медикаменты. Когда всё необхо-

димое было собрано, подруга Нади — Шура Евминчук и брат Нади Женя отправились в партизанский лагерь, который находился в восемнадцати километрах от Торфяного завода.

Надя работала в конторе. Она организовала отправку боеприпасов и медикаментов со всеми предосторожностями, в конторе работа у неё не спорилась, цифры не сходились. Бухгалтер-немец качал головой: «Вы стали плохо работать, фрейлен Надья. Где ваша исполнительность и пунктуальность, за которую мы оценили вас? Берите пример с немецкого бухгалтера. Он невозмутим, хотя вот мои печальные новости за два дня. У меня двое детей — сын и дочь. И вот вчера новость: сын тяжело ранен на русском фронте и лежит в госпитале, а сегодня письмо от жены из Кельна — дочь ранена во время бомбёжки и лежит в больнице. Смотрите, что пишет мне жена: «В нашем бомбоубежище стало уютнее, чем в квартире. Я не поднимаюсь уже вторые сутки. Всё здесь, в подвале, — даже швейная машинка».

Бухгалтер был болтлив. Сокрушаясь и жалуясь, он нарисовал Наде план своей квартиры и, умиленно взглянув на чертёж, сказал, что не надеется там побывать. Так оно и получилось. Квартиру немецкого бухгалтера разбомбили англичане, а его самого убили русские партизаны.

Но в этот день новости бухгалтера не интересовали Надю. Она беспокоилась за судьбу брата, Шуры Евминчук и всего партизанского отряда.

Через некоторое время прибежали Женя и Шура. Смеркалось, и в конторе работа подходи-

ла к концу. Но Надя ещё не могла уйти. Она видела в окно брата, запыхавшегося, растрёпанного, и чувствовала, что случилось несчастье. Но ещё полчаса она должна была сидеть за столом, складывать столбики цифр, слушать болтовню бухгалтера.

Как медленно ползли стрелки!

— Фрейлен Надья переживает мои несчастья, — говорил он. — О, я вижу, работа совсем не идёт у нас на лад (бухгалтер любил козырять русскими выражениями).

Когда пробили часы, Надя выбежала из конторы. Дома её ждали Женя и Шура. Надя узнала, что немецкие каратели налетели на деревню, подожгли её с четырёх сторон. Крестьяне успели предупредить партизан, но скрыться было тяжело. Начальник разведки Костя К. лежал больной с температурой 40 градусов. Командир отряда Миша С. приказал нести на руках больного, затем поодиночке ушли партизаны, а командир оставил деревню последним, когда на околицу ворвались уже немецкие мотоциклисты. И нашлась подлая женщина, которая показала немцам на Мишу.

— Догоняйте. Это партизанский командир.

Женя и Шура видели только, как немцы стреляли вслед Мише. Командир отряда упал, а по кровавому следу вслед за ним пошли немцы.

— Догнали? — взволнованно спросила Надя.

— Нет. Мы дождались их возвращения. Наши подобрали командира и перевязали его раны. Кровавый след исчез. Но чем перевязали? — Женя показала пакет с медикаментами, который пришлось принести обратно. Второй пакет, побольше, потеряли дорогой.

Брат выжидающе смотрел на Надю. Ему — Жене — положение казалось безвыходным. Деревню Ротковщину немцы сожгли. Весь район оцеплён карательным отрядом. Куда ушли партизаны, куда унесли раненого командира и больного начальника разведки — неизвестно. Медикаментов нет.

— Медикаментов у них нет? — словно угадав мысли брата, спросила Надя.

— Нету, — в один голос сказали Женья и Шура.

Надя решила так. Женья, как несовершеннолетний, останется дома. Шуре Евминчук было поручено позвать двух комсомолок — Нину Гуленкову и Шуру Боровскую, чтобы четверо вместе с Надей отправиться на розыски раненого командира.

Но оказалось ещё одно препятствие. В оставшемся пакете не было бинта и антисептики для раны. Надя пошла к соседке Ане Нищик, у которой на окнах были большие марлевые занавески. Аня сорвала занавески и тут же принялась их стирать. А Надя тем временем узнала, к кому пошёл немецкий санитар. У санитаря всегда было с собой всё необходимое для ран. Он знал Надю как переводчицу, и его не трудно было упросить дать медикаментов для брата, который якобы содрал ногу, и получилось нагноение. Когда Надя вернулась, занавески были уже выстираны и выглажены горячим утюгом.

Четыре девушки отправились в путь и снова, как назло, на небе висела большая тяжёлая луна, трещал тонкий вафельный лёд на подмёрзших лужах, и яркими кострами светили горящие деревни.

Долго без отдыха шли четыре девушки. В сохранившихся от пожара избах люди заперлись, напуганные немцами, отказывались открывать, а тем паче говорить что-либо о партизанах. А Надя всё шла и шла и вела с собой своих подруг. Кто знает, что было у них на душе, когда казалось, что вот не здесь, так там поймают немцы и тут же на пепелище повесят, как это обычно и делали каратели.

Долгой была эта ночь у девушек. И ледяной ручей переходили вброд по грудь в воде, и прятались от патрулей в канаве с водой по обочине дороги; падали, поднимались и опять шли. Наконец услышали от крестьян: в Ротковщину прискакали три всадника, нашли женщину, которая предала партизанского командира, и расстреляли.

— Они ещё там, в деревне, — сказали крестьяне. Обувь девушек к этому времени развалилась, мокрое платье покорибилось от мороза.

— Бежим, — сказала Надя подругам. — Мы должны догнать тех троих в Ротковщине. Это из нашего отряда. Они покажут нам путь.

Но не сразу удалось найти партизанских судей. А когда их разыскали, пошли с ними в землянку, где лежали рядом больной начальник разведки и раненый командир. Кровь просочилась через все бинты, сделанные из порванных рубах. Командир был без сознания.

Вот когда пригодилось Наде знание медицины.

Она перевязала командира, оказала помощь больному начальнику разведки.

Надя ходила в землянку партизан перевязыва-

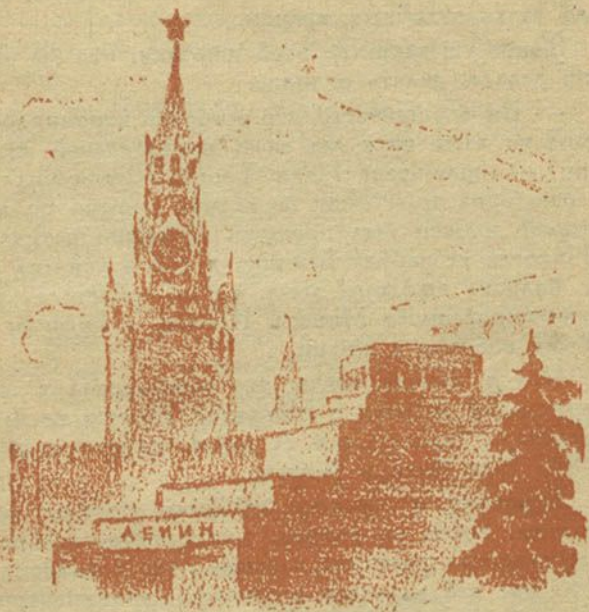
вать командира до тех пор, пока он не выздоровел.

И опять Надя выполняла особые боевые задания.

И снова полетели под откос немецкие эшелоны, взлетали на воздух склады. И немцы знали: разыгралась «Буря» — выздоровел её командир.

XI. В МОСКВЕ

Мы встретили Надю Троян в 1945 году в Москве. Вот уж, поистине, как много воды утекло и в Волге, и в Днепре, Днестре, Березине и Одере, в десятках рек, где Красная Армия топила немцев.

В этом заслуга и Нади Троян — героической дочери своего народа.

Внешне ничего исключительного, героического нельзя было отыскать в скромной девушке — студенте-медике четвёртого курса.

Надя поглощена учёбой. Ведь пропущено два года! Надо догонять, во что бы то ни стало надо стать отличным врачом.

Таков уж характер этой девушки: что бы она ни делала, делать отлично.

— Вы спрашиваете, что особенно запомнилось мне из этих двух лет моей партизанской жизни? — спрашивает Надя Троян. — Запомнилась лошадь, распряжённая посредине дороги, по которой должен был проехать немецкий патруль. Никогда не забуду Москву, какой я увидела её с балкона высокого дома, когда прилетела из оккупированного Минска, Кремль, в котором я была впервые в жизни.

Что я думала тогда, что чувствовала в эти мгновенья встречи с Москвой? Ничего не чувствовала. Волновалась. А потом третьего ноября 1943 года была в Кремле.

Вероятно, в тот день всё было обычно, как всегда: толпа на улицах, милиционер, который регулировал движение, часовые у входа в Кремль. Но мне всё казалось особенным: милиционер на углу будто необычайно торжественно поворачивался, вытягивая руку в белой перчатке, и все люди словно особенно радостно спешили куда-то. Может быть, это было предпраздничное оживление — ведь через четыре дня наступала годовщина Великого Октября. А может быть, так казалось мне потому, что празднично было у меня на душе.

Когда товарищ Горкин прочитал Указ о награждении меня званием Героя Советского Союза, я растерялась. Затем Михаил Иванович подошёл ко мне, вручил награды и сказал, что полученное мною звание обязывает

ко многому. Теперь я всё больше успокаивалась, поблагодарила товарища Калининна и попросила его передать привет Иосифу Виссарионовичу.

— Не волнуйтесь, обязательно передам, — сказал Михаил Иванович. Он говорил так просто, что я перестала волноваться.

Вышла из Кремля, остановилась возле мавзолея Ленина. На серых елях искрились первые снежинки. Машины шелестели по асфальту. На кремлёвской башне мелодично били куранты.

За этой кремлёвской стеной работает Сталин.

С мыслью о Сталине я шла выручать наших людей из лагеря смерти под Минском и потом два года боролась вместе с партизанами.

Вспомнились первые страшные дни в Минске. Сколько раз я думала тогда о товарище Сталине: он знает обо всём, что творят немцы, он борется, он добьётся победы. Это вселяло уверенность.

3 июля 1941 года, когда я слушала по радио голос товарища Сталина, его слова о том, что «Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом», я восприняла это, как приказ.

И сейчас, когда думаю о нём — самом родном и близком, хочется сделать многое — всё, что в моих силах, для нашей страны, для Родины, для нашего народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Первые жертвы	3
II. Война	10
III. Партизан-одиночка	17
IV. На Торфяном заводе	28
V. Мечты и поиски	33
VI. Партизанский лагерь	42
VII. В подполье	50
VIII. Заповедь о доблести	62
IX. Первый бой	67
X. Болезнь командира	78
XI. В Москве	85

Отв. редактор Е. Донцова.

Техн. редактор А. Лиле.

Обложка, титул и иллюстрации в тексте
художника П. Зубченкова.

Л88141.

Сдано в набор 10/V 1945 г.

Подп. к печ. 22/VI 1945 г.

Тираж 10 000 экз.

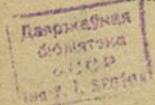
Объем 2¼ п. л.

Уч.-авт. 3 листа.

В 1 печ. л. 47.232 зн.

Формат бум. 70×92¼/32

Зак. 148.

Филиал тип. изд-ва «Московский большевик»,
Москва, Петровка, 17.

+

30

Цена 2 руб.

8817

00000003000749